

ОТДѢЛЪ I.

Этнографический очеркъ Зырянъ.

ГЛАВА I.

Природа мѣстности.

Этнографъ, юдущій по Вычегдѣ, смотря на угрымые лѣса и рѣдкія еела съ палубы парохода, догадывается, что здѣсь жизнь расположена въ одну линію—вдоль рѣки, культурная часть мѣстности имѣеть одно измѣреніе, а не два. Въ „холодной дачѣ“, какою кажется ему эта мѣстность, между рѣками нѣтъ жизни — тамъ лѣса и болота. Недаромъ сами Зыряне другія части Россіи называютъ „Паськыдъ—мѣста“—широкія мѣста. Здѣсь нѣтъ фабрикъ и заводовъ, которые даютъ жизни разнообразіе, нѣтъ шоссейныхъ дорогъ, рѣка и лѣсная дорога возлѣ рѣки—вотъ пути сообщенія. Земледѣліе однообразно—трехпольной системы, и только вдоль рѣки, остальная страна эксплоатируется охотой. Лишь въ послѣднее время тамъ и сямъ производится рубка и сплавъ лѣса, нѣсколько оживляющіе край.

Такое простое явленіе, т. е. то, что жизнь здѣсь пока возможна только вдоль рѣки имѣеть важное, по моему мнѣнію, значеніе для психологіи народа. Эта жизнь ничего не создаетъ ни въ наукѣ, ни въ поэзіи, ни въ промышленности,—здѣсь живетъ ровный, умный народъ, уклоненія невозможны; человѣкъ, болѣе впечатлительный, чѣмъ средній, со способностями, отличными отъ нормы, долженъ отсюда бѣжать или подпасть подъ власть алкоголя, потому что ему некуда примѣнить особенности психического склада. „Отъ насъ ученыи бѣжитъ далеко“, говорить Зыряне. „Вино нась погубило“, говорить они всѣ, кромѣ ровно-умныхъ, средне-зажиточныхъ крестьянъ-охотниковъ: они—норма страны. Здѣсь невозможна никакая интеллигентія, пока промышленность не сдѣлаетъ эту жизнь болѣе разнообразною.

Такова здѣсь культурная жизнь человѣка, она однолинейна. Но есть здѣсь и нѣчто другое—лѣсная жизнь. Лѣса наполняютъ почти все простран-

ство. Они—мѣсто охоты и подвиговъ, они—источникъ мистицизма и поэзіи. Лѣса не стѣснены рѣками, они безпредѣльны, и они развили чрезвычайную подвижность характера зырянина. Какъ мало въ немъ общественного ума, также много дикой, стихійной силы. Сколько робокъ зырянинъ въ общественно-культурномъ отношеніи какъ воспитанникъ узкой, въ одну линію расположенной жизни, столь же онъ смѣль и отваженъ, какъ охотникъ, какъ человѣкъ отходивъ промысловъ, „онъ сынъ просторныхъ, вольныхъ лѣсовъ“.

При разсматриваніи природы мѣстности важно поэтому имѣть въ виду эти два фактора—однолинейность въ расположениіи сель и деревень, обусловленная супростостью климата и отдаленностью мѣстности отъ промышленныхъ центровъ, и обширные лѣса, покрывающіе страну. Второй факторъ, быть можетъ, важнѣйший и на немъ поэтому нужно остановиться подробнѣе.

Какое впечатлѣніе производить лѣсъ на зырянина, видно уже изъ того, съ какою любовью относится онъ къ нему и къ его особенностямъ, какое обиліе названій имѣется для этихъ особенностей лѣса. Такъ, напр. возвышеноровное мѣсто, покрытое елью, называется прама. Этимъ же именемъ называется невысокое мѣсто, сухое, покрытое елью и окруженнное возвышеностями (отъ этого слова „парма“ г. Лыткинъ производить слово Пермь). Ровное мѣсто съ елью называется чѣтчко с. Сыре мѣсто, гдѣ ростетъ береза—и юнѣдъ, сухое мѣсто, покрытое березой, расъ; возвышенное мѣсто, гдѣ сосны,—ягъ (не отсюда ли баба-яга?): холмикъ, гдѣ сосны, давъ; холмъ среди нормы гринѣвъ, террасовидное мѣсто—кѣрѣс и т. д. Все это отмѣчалось Зыряниномъ, изучалось съ большой любовью, вліяло на его душу. Каждая рѣчка въ лѣсу, каждый ручеекъ, каждая горка имѣютъ названія. Послѣднія часто кончаются на слоги: ю (рѣка) и йоль (рѣчка). Не только всѣ животныя и птицы носятъ зырянскія имена, но и цвѣты и грибы тщательно изучены и присвоены. Все это свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ вниманіи зырянина къ содержанію и жизни лѣса.

Дремучій лѣсъ далъ шаманству Зырянъ опредѣленное направленіе. Богъ лѣса—вёрса—занимъ центральное мѣсто между богами, если не по могуществу, то по близости къ человѣку. Теперь, когда всѣ старые боги забыты, богъ лѣса еще играетъ огромную роль въ ихъ повѣріяхъ, въ суевѣрныхъ разсказахъ. Онъ нѣтъ, нѣтъ, да и появится со своею собакою между охотниками и закричитъ: тѣтъ, тѣтъ! такъ кличеть онъ свою собаку.

Свообразный мистицизмъ Зырянъ обязанъ своимъ развитіемъ лѣсу и охотѣ. Дремучій лѣсъ всегда полонъ неожиданностей, наластей и бѣдъ, онъ развиваетъ въ человѣкѣ мысль о величинѣ и важности существующаго, съ другой стороны—недовѣріе къ видимости чего бы то ни было. Намѣреваясь изложить значеніе охоты для выработки міросозерцанія немногого ниже, здѣсь

скажу только, что лѣсъ впервые, быть можетъ, научилъ зырянина заговору. Въ лѣсу можно поставить такие знаки (что и дѣлается), благодаря которымъ вы можете вернуться тѣмъ же путемъ, какимъ шли, тогда какъ никто другой не можетъ читать этихъ знаковъ. Является мысль о секретѣ, о заговорѣ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ Зыряне. Произнося разныя заклинанія въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ, близъ сосны, на берегу ручья, человѣкъ замѣчаетъ время и мѣсто и потомъ узнаетъ, что слова его измѣнили это дерево, тотъ ручей. Такъ вырабатывается взглядъ, что слово измѣняетъ предметы своей таинственной силой, скрытой въ немъ. Вырабатывается характерная черта мистицизма Зырянъ.

Не только крупныя свойства лѣса, но и мелкія особенности его, въ родѣ того, что въ немъ легко можно заблудиться, были опоэтизированы и мистифицированы. Такъ народъ говоритъ, что въ лѣсу растуть цѣлебныя травы (никонова трава, адамова голова, грыжная трава). Но часто бываетъ, говорить, что разъ найдешь то мѣсто, гдѣ онѣ растуть, а другой разъ туда же придешь, да не увидишь этого мѣста, „не показывается“.

Такъ какъ горъ (высокихъ) у Зырянъ нѣтъ, ни озеръ (одно лишь небольшое озеро Сѣмты у верховьевъ Вишеры), то кромѣ лѣса и довольно крупныхъ рѣкъ, ничто не развиваетъ ихъ предпріимчивости, отважности, мужества. Но эти факторы—лѣсъ и довольно болынія рѣки—сдѣлали свое дѣло. Это видимъ мы на томъ, какъ отличается Зырянинъ отъ Вотяка, который столь близокъ по языку къ Зырянину и отъ Финна, живущаго среди скалъ и озеръ Финляндіи. Въ самомъ дѣлѣ это сравненіе даетъ намъ возможность понять психологическое значеніе лѣса въ исторіи Зырянъ съ новой точки зреенія.

Зыряне предпріимчивы, отважны, космополитичны; вотяки не предпріимчивы, робки, любятъ свой домашній очагъ болѣе всего. Почему это? Финны скалистой Финляндіи настойчивы, терпѣливы, чрезвычайно любятъ свою угрюмую страну, Зыряне хотя тоже настойчивы, но не такъ послѣдовательны, болѣе увлекающіеся и стремятся куда то вдаль отъ своей родины—въ Сибирь, въ Вятскую губ. и т. д. Зыряне, Финны, Вотяки—всѣ они финского племени, одной урало-алтайской расы, что видно изъ ихъ языка съ одинаковыми корнями, одинакового строенія, между тѣмъ психологія ихъ весьма различна.

Мнѣ кажется, обзоръ мѣстностей, гдѣ они живутъ, въ какой-то степени объясняетъ намъ эту разницу въ ихъ характерахъ. Вотяки живутъ на маленькихъ рѣчкахъ и на верховьяхъ рѣкъ (на Чепцѣ, на Ижѣ и т. д.). Они не имѣя большихъ лѣсовъ для охоты, главнымъ образомъ—земледѣльцы и, стѣсненные судьбою, утратили прежнюю отвагу, живя на маленькихъ рѣчкахъ, охотничая въ небольшихъ лѣсахъ. Зыряне живутъ на Нечорѣ, на Ижмѣ, Вычегдѣ, на рѣкахъ, довольно большихъ, окруженные без-

предѣльными лѣсами; гдѣ полный просторъ для охотниковъ, на лыжахъ пересѣкающихъ эти дремучія чащи. Большая рѣки развиваются отважность и предпримчивость; далекая охота, въ сотняхъ верстъ отъ роднаго угла, дѣлаетъ человѣка чуждымъ домашнему очагу, охота благопріятна для здоровья и развивается смѣтливость и удальство. Отсюда мы видимъ, что мѣстности, гдѣ живутъ Вотяки и Зыряне, объясняютъ разницу характеровъ, давно подмѣченную этнографами. Относительно Финновъ нужно сказать, что они живутъ среди скалъ и озеръ, въ борьбѣ съ суровой стихіей развили свои силы, но, не имѣя большихъ пространствъ для своей дѣятельности, энергию свою употребили не на разширеніе, а на углубленіе своей жизни и, живя въ тѣсномъ пространствѣ, отлично разработали свой уголокъ. Зыряне и Вотяки жили все время при иныхъ условіяхъ, и жизнь ихъ не такъ интенсивна, какъ жизнь финна. Такъ географія разъясняетъ этническую разницу этихъ племенъ, между которыми одно общее—настойчивость. Изъ такого сопоставленія видимъ мы, какое значеніе имѣетъ обширный дремучій лѣсъ на психическій складѣ зырянина.

Теперь скажемъ о третьемъ свойствѣ той мѣстности, гдѣ живутъ Зыряне, такъ какъ это свойство тоже имѣетъ вліяніе на психическій складъ человѣка вообще. Это однообразіе пейзажей, однообразіе красокъ и сочетанія линій. Все тѣ же низменные берега рѣки, тѣ же хвои, тѣ же села на холмахъ надъ рѣкою—эти однообразныя картины утомляютъ вашъ взоръ. Рѣка, по берегамъ сосновые лѣса, еловые лѣса, села и т. д. все одно и тоже безъ конца. Невольно думается вамъ, что художественные способности народа должны быть мало развиты въ этой мѣстности. Звонкіе ручи въ лѣсахъ, шумъ деревьевъ, пѣніе птицъ, свистъ вѣтровъ могли еще развить музыкальныя способности, но художественности не на чемъ развиться. Такъ оно и есть въ дѣйствительности, хотя отсутствіе художественности обязано не одному этому фактору, но и другимъ, о чёмъ будетъ рѣчь ниже. Поэтовъ, пѣвцовъ мало между Зырянами, пѣсень своихъ у нихъ также мало (я знаю не больше десятка чисто зырянскихъ, хотя заимствованныхъ русскихъ значительно больше). Между тѣмъ замѣчается чрезвычайная любовь къ музикѣ: что ни село, то и гармоницкъ тамъ. Юноши и дѣти всѣ играютъ. Есть музыкальный слухъ, но мало художественныхъ, словесныхъ концепцій, что необходимо для составленія пѣсни. Сильно чувствуетъ зырянинъ, но чувствамъ нѣть исхода ни въ звукахъ, ни въ краскахъ, лишь въ слезахъ и смѣхѣ все выражается и въ необычайной любви къ музикѣ.

Такимъ образомъ однолинейность жизни, безпредѣльность лѣсовъ, однообразіе природы наложили свою печать на психическій складъ народа. Если прибавить сюда суровый климатъ, съ сугробами снѣга десятимѣсячную зиму, можно представить, какимъ суровымъ, трудолюбивымъ, терпѣливымъ и въ

тоже время смѣлымъ, отважнымъ долженъ быть стать народъ, здѣсь живущій; но есть иные факторы, осложняющіе характеръ человѣка.

ГЛАВА II.

Второй факторъ психического развитія народа: занятія народа.

а) Земледѣліе, б) охота. Отрицательное значеніе земледѣлія. Отсутствіе поэзіи земледѣлія. Охота—источникъ мистицизма и поэзіи.

Вычегодскіе Зыряне живутъ между 60° и 63° широты въ полосѣ ячменя и отчасти ржи. По берегамъ Выми и Вишеры (сѣв. притоковъ Вычегды), гдѣ береговые холмы большей частью глядѣть на востокъ и на сѣверъ, неурожай весьма часты, два раза въ 10 лѣтъ. Причины этихъ неурожаевъ—ранніе холода. Нужно прибавить, что и въ урожайные годы здѣсь хлѣба не хватаетъ, и это даетъ понять, почему жители Вишеры на сѣмѣхъ у зырянъ не только за ихъ протяжный говоръ, но и за то, что они всегда были бродягами и нищими, а вымѣчане слышили за грубыхъ, дикихъ людей. Здѣсь народъ жилъ, конечно, всегда охотой, а теперь ходить на заводы въ Пермск. губ. Вычегда тоже не богата хлѣбомъ, только Локчимъ и Сысола (южные притоки Вычегды) имѣютъ достаточно своего хлѣба въ урожайные годы. Въ виду того, что мы здѣсь говоримъ о земледѣліи, какъ о факторѣ психического развитія народа, дѣйствовавшемъ много столѣтій, то мы должны брать его въ тѣхъ размѣрахъ, какія имѣло оно у зырянъ въ прошлые времена. Историческая свѣдѣнія, филологический анализъ названій предметовъ, входящихъ въ кругъ земледѣлія и др. соображенія показываютъ, что это занятіе у зырянъ въ прошлымъ времена едвали было преобладающимъ. Поэтому для анализа его вліянія на характеръ народа я беру земледѣліе, которое имѣемъ въ области Вишеры.

Быть кору пихты—дѣло обычное на Вишерѣ. Одинъ старикъ изъ Шойнаты мнѣ разсказывалъ, что разъ пришло повелѣніе отъ царя, чтобы Зыряне бѣли хлѣбъ изъ ягеля, лишь-бы не умирали. Старикъ дополнилъ, что тотъ и другой хлѣбъ изъ пихты (кач) и изъ ягеля довольно вкусны. Въ послѣднее время впрочемъ, благодаря заводской промышленности Пермск. губ., а нынѣ благодаря Котласско-Пермской жел. дорогѣ, Зырянину даже береговъ Вишеры и Выми не приходится ни воровать, ни „качъ“ бѣсть. Если обратить теперь вниманіе на то, какъ эти частые неурожай дѣйствовали на умъ и характеръ народа, то нужно сказать слѣдующее. Онъ живеть на холмахъ, глядящихъ на востокъ и на сѣверъ, знаетъ, что хлѣба у него не хватить даже въ урожайный годъ, а на другомъ берегу (чаще на лѣвомъ), онъ видитъ дре-

мучай льсь, болота, полныя дичи, а передъ собой рѣку, текущую въ дальнее море. Народъ, одаренный физической энергией и не стѣсненный, какъ въ Финляндіи, скалами, заставлявшими во что бы то ни стало побѣдить суровую природу, такой народъ долженъ быть почувствовать влечение въдаль, разлюбить свой унылый домашій очагъ, а не пѣть про семейныя радости, не молиться богамъ земледѣлія; народъ долженъ быть устремиться въ лѣса или въ промышленныя страны, молиться богу лѣсовъ и воды, дарить имъ шкурами звѣрей и воспѣвать иные рѣки и города.

Такъ въ дѣйствительности оно и было, такъ оно и есть. Приведу примеръ изъ жизни села Йѣжыдъ-видъ, являющійся характернымъ для зырянъ этой мѣстности.

Сидѣли мужички между заутреней и обѣдней на бревнахъ около церкви и разсуждали о томъ, гдѣ построить домъ священнику. Многіе говорили: „гдѣ хотите, тамъ и стройте, все равно мы здѣсь не жильцы въ своей мѣстности: сегодня завтра, придется уйти намъ всѣмъ въ Сибирь или куда-нибудь“. Разговоръ былъ печальный, предъ вами анатія къ порядку и благолѣпію своего села вслѣдствіе неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Правда, мудрые изъ крестьянъ возражали первымъ: „построимте, какъ слѣдуетъ, домъ священнику: если не мы, кто-нибудь да будетъ жить здѣсь, пустовать мѣсто не будетъ, поэтому нужно все дѣлать какъ слѣдуетъ.“

Нельзя сказать, что такое настроеніе крестьянъ Вишеры временное, единичное, такъ какъ нельзя доказать, что въ прошломъ земледѣліе было лучше, что не было частыхъ неурожаевъ. Такого рода земледѣліе, гнавшее человѣка отъ дома, не создало никакихъ религіозныхъ повѣствованій, никакихъ пѣснопѣній, никакого земледѣльческаго героя, потому что поэзія религіи, какъ и всякая поэзія, есть выраженіе природы мѣстности, занятій народа и т. п. шести факторовъ, совокупнымъ дѣйствиемъ первыхъ пытаюсь я объяснить характеръ данного народа. У Зырянъ нѣть и не могло быть „Микулы Селяниновича“, тогда какъ у нихъ есть герой охоты—Йиркашъ. То обстоятельство, что земледѣліе не дало никакихъ поэтическихъ разсказовъ, не оставило никакихъ слѣдовъ мистицизма, является поучительнымъ. Очевидно, земледѣліе мало производило впечатлѣнія на воображеніе народа, которое такъ склонно всякий сколько нибудь поражающій фактъ облечь въ одѣжды религіознаго мистицизма. А что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ народомъ, очень чуткимъ ко всему что можно опоэтизировать какимъ-либо сувѣрнымъ разсказомъ, видно хотя бы изъ слѣдующаго случая. Одинъ крестьянинъ села Вишеры передалъ мнѣ слѣдующій разсказъ. „Ходили искатели рудъ. Они буравами искали всюду мѣди и серебра. Нашли они разъ въ землѣ фигуру въ родѣ ребенка изъ камня и мѣди и поставили ее на бѣлую скатерть, говоря,—мы

нашли нѣчто доброе. На другой день рано утромъ встали, а фигуры въ родѣ ребенка уже и нѣть; тогда искатели рудъ начали думать, что это былъ горный хозяинъ—богъ рудъ". Такимъ образомъ простой фактъ—исканіе руды инженерами создалъ уже мистику, хотя и на той почвѣ, быть можетъ, что древніе зыряне могли вѣрить въ подземныхъ боговъ; но и то удивительно, что земледѣліе ни съ чѣмъ языческимъ не ассоціировалось въ болѣе прочное сказаніе, между тѣмъ охота создала тьму темъ сувѣрныхъ разсказовъ; земледѣліе же ничего.

Но, можетъ быть, земледѣліе, не дѣйствуя на воображеніе, развивало характеръ народа выносливость, терпѣніе?—Во 1-хъ, трудно думать, чтобы развивающее волю человѣка не оставило слѣда въ его воображеніи, во 2-хъ, фактъ извѣстный, что вліяніе земледѣлія было значительно менѣе вліянія охоты, на которую времени и силь въ прошлый времена уходило несравненно больше, чѣмъ на воздѣлываніе полей. Поэтому, чтобы понять особенности характера зырянина, необходимо тщательнѣе разобрать значеніе охоты, какъ фактора психического развитія народа.

Охота была причиной развитія мистицизма къ природѣ, къ животному миру и человѣку, она же создала поэзію лѣса. Какого рода мистицизмъ по отношенію къ природѣ проникаетъ всѣ слова и дѣйствія зырянина?—Тотъ мистицизмъ, что между словомъ человѣка, думою его и событиями природы есть какая то связь. Эта связь таинственная. То обстоятельство, что она теперь объясняется благодатнымъ дѣйствиемъ угодниковъ божіихъ или черною силой демоновъ явленіе сравнительно новое, похристіанское (съ XIV—XV в.в. и позднѣе); по теперешнимъ же сувѣрнымъ разсказамъ о дѣлахъ „лѣсныхъ“, которыхъ зыряне до сихъ поръ не рѣшаются отнести къ демонамъ, бѣсамъ, эта таинственная связь объяснялась дѣйствиемъ многочисленныхъ лѣсныхъ боговъ, живущихъ въ дремучихъ чащахъ семействами, или просто принималась какъ тайна. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ понимая зависимость между словомъ человѣка и природой и есть ядро мистицизма по отношенію къ природѣ. Отъ слова дерево сохнетъ, ручей измѣняетъ свое теченіе, домъ искривляется. Въ словѣ человѣка заключаются чары, волшебная сила. Отъ дурного слова зеленые листья дерева поблѣднѣютъ, вотъ какова сила слова. Такой мистицизмъ къ природѣ, какъ мы увидимъ, могъ развититься изъ охотничьей жизни въ дремучемъ лѣсу; не религія языческая была его источникомъ, а наоборотъ, религія скорѣе была слѣдствіемъ мистицизма; или же это—два явленія сопутствующія, взаимно вліающія. Прослѣдимъ вкратцѣ развитіе мистицизма въ душѣ охотника.

Выходить онъ изъ своей охотничьей избушки на охоту и говорить тѣ или иные слова, пожеланія удачи, одѣвается въ томъ или иномъ порядке,

замѣчетъ тѣ или иные примѣты. Приходитъ въ дремучій лѣсъ, попадаетъ въ „потокъ бѣлокъ“. Бѣлки куда то скачутъ, съ дерева на дерево цѣлыми стадами, и охотникъ вволю стрѣляеть, и съ богатой добычей возвращается домой, въ свою избушку. На другой день или вообще въ другое время, охотникъ другія примѣты замѣтилъ, не въ томъ порядкѣ слова сказаль, луки привѣсилъ не такъ, спѣша, и не попалъ онъ въ „бѣличій потокъ“, за цѣлый день убилъ двѣ-три бѣлки и то плохихъ, два-три рябчика, одного кlestata (въ голодное время зыряне єдятъ послѣднихъ). Въ умѣ охотника готовы заключенія—вотъ какія слова, какія примѣты, какіе первые шаги съ утра пригодны для бѣличьей охоты. Тоже самое относительно зайцевъ, лисицъ, оленей, рябчиковъ и т. д. Всякая охота создала свои заговоры, свои заклинанія. Старые охотники меня увѣряли, что какъ де только прочтешь:

„Ты гой-гой,
Бѣлый заяцъ,
Не уркнись,
Не отсторонись,
Не отъ меня
Раба Божія
(имя)
Отъ всякаго вздоха
Человѣка чернаго“

и т. д.

заяцъ самъ прибѣжитъ въ петлю и на выстрѣлъ. Между словомъ и событиемъ природы есть связь, непонятная для ума, это мистическое отношеніе къ природѣ.

Мистицизмъ собственно къ животному миру обязанъ своимъ развитіемъ отчасти тому, что охота на крупныхъ звѣрей не всегда безопасна. Человѣкъ молится тому, чего онъ боится, о томъ, что отъ него не зависитъ. По этой причинѣ развилась особая тайна „ямъ сибодомъ“. Эта тайна въ частномъ случаѣ, въ охотѣ на медвѣдя, выражается въ слѣдующей формѣ. Передъ охотой на медвѣдя въ лѣсу охотники варятъ въ котлахъ „юм“ (сладкую кашу) изъ ржаной муки; тутъ получается та самая кашица, изъ которой послѣ скисанія дѣлается квасъ. Этотъ „юм“ оставляютъ нарочно на улицѣ, передъ чом (избушкой), чтобы медвѣдь съѣлъ его, иначе охота невозможна. На другой день, увидавши, что котель пустѣ, охотникъ молчитъ, никому не сказываетъ о случившемся, иначе охота будетъ неудачна. Послѣ того, если охотникъ увидитъ берлогу, онъ хранить тоже святое молчаніе, хотя ночью не спится ему: „не онъ спить, спить только его рубашка“, а онъ вздыхаетъ и думаетъ, какъ пойдетъ охота, какъ „ям“ (жертва) принять. Товарищи,

догадываясь, тихонько говорятъ: „нашъ товарищъ что то видѣлъ“. Всѣ молчатъ и ждутъ.

Здѣсь видимъ мы таинственную связь между жертвой „юм“ и готовностью звѣра быть жертвой человѣку. Это остатокъ культа животныхъ отъ языческаго периода. Но и самыи этотъ культы развилъся изъ трудности охоты и мистического отношенія къ животному миру, отъ быстраго установлѣнія связи между фактами, въ которыхъ зависимость случайная.

Еще третьаго рода развилъся мистицизмъ подъ вліяніемъ охоты—въ отношеніи къ человѣку. Слѣдующій маленький разсказъ введетъ нась въ суть дѣла.—Въ старину охотничіи артели зыранъ имѣли вожаковъ, знающихъ заговоры. Разъ одинъ вожакъ закоддовалъ, зачаровалъ другую артель и его вожака, и тѣ должны были ходить всю зиму въ засохшемъ лѣсу, гдѣ не было ни звѣрей, ни птицъ, и оставаться безъ всякой добычи. Главный чародѣй въ той несчастной артели сказалъ, что если у нихъ лѣсъ сухой и въ немъ не живутъ ни звѣри, ни птицы, то пусть охотники сядутъ за шашечную доску и играютъ въ „доводъ“ (шашки). Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали: всю зиму провели, играя въ шашки. Пришло время возвратиться домой. Первая артель съ богатою добычей гордо прошла мимо второй, направляясь къ дому. „Пора домой“, сказала первая артель; „нѣть, мы еще заняты игрою въ шашки“, отвѣтила вторая. Первые прошли съ шумомъ и исчезли въ лѣсу, а къ вечеру возвратились къ тому же мѣсту. Долго кружились они, но никакъ не могли выбраться изъ лѣсу. Дѣло кончилось тѣмъ, что первая артель отдала всю свою добычу второй за то только, чтобы вожакъ-чародѣй второй артели позволилъ имъ вернуться домой, откравъ ихъ глаза на лѣсную дорогу.

Что здѣсь видимъ мы?—Борьбу охотничихъ артелей въ чародѣйствѣ. Такая же борьба всегда была и между отдельными охотниками. Если вникнуть во все это, можно догадаться, что борьба волхвованія не что иное, какъ слѣдствіе охоты; что вообще недовѣрчивое отношеніе къ человѣку, взглянь на него, какъ на существо, могущее причинить словомъ и мыслю ужасныя, непонятныя бѣдствія, что этотъ взглядъ—слѣдствіе изолированной охотничьей жизни при слабой общественной культурѣ. Частное же явленіе—„вопицъ“ (порча)—слѣдствіе этого общаго взгляда, а этотъ взглядъ можетъ быть объясненъ вліяніемъ на воображеніе именно охоты. Охота требуетъ большихъ знаній. Нужно умѣть дѣлать лыжи для себя, длинныя сани (норть) для припасовъ, лукъ или пицаль, компасъ; нужно искусно сдѣлать „гес“ (теперь воспрещенный закономъ), нѣчто въ родѣ старинной большой мышеловки, именно: кусокъ бревна падаетъ на птицу, задѣвшую ногу маленькой прутикъ, когда эта птица проходить сквозь сѣтку искусно устроенныхъ палочекъ; для при-

манки птицъ гес посыпается зернами. Далѣе, охотнику нужно, конечно, знать трошу, гдѣ ходить тотъ или иной звѣрь, гдѣ ходить и ищетъ пищу та или иная птица; охотникъ долженъ умѣть натягивать петли для зайца, угадывать бѣличьи потоки" и т. д. и т. д. Все это знаніе вмѣстѣ съ таинственными словами составляетъ заговоръ, потому что заговоръ у Зырянъ не только мистическая слова, но также и секретъ какого-нибудь дѣла, искусство удачно выполнить начатое предпріятіе. Я расскажу примѣръ, изъ котораго будетъ ясно, что такое заговоръ.

Недалеко отъ села Вишеры, на берегу маленькаго озера, возвышается интересный холмъ подъ названіемъ „Кар-Мылькъ“ (городъ холмъ). Народъ утверждаетъ, что внутри этого холма имѣются разныя рѣдкости—старинные, чудскіе точоры, ножи и т. п., быть можетъ, и чудскія овальныя серебрянныя деньги. Я собирался прорыть этотъ холмъ. Тогда ко мнѣ является одинъ крестьянинъ и говоритъ, что онъ видѣлъ сонъ о горѣ „Кар-Мылькъ“. Во снѣ черный человѣкъ ему сказалъ, что затѣя прорыть холмъ совершенно бесполезна, потому что мы не знаемъ заговора. А этотъ заговоръ состоитъ въ томъ, что нужно взять газетный листъ и разостлать на этомъ холмѣ, покрыть его черной скатертью, затѣмъ взять паутину тремъ человѣкамъ за три угла и такъ передергивать, тогда потаенная дверь сама откроется, и найдутся деньги въ бочкахъ, эти деньги не чудскія, а разбойниччьи. Итакъ мы видимъ, что заговоръ—есть секретъ, тайное знаніе, а не только могущественное слово. Всякій охотникъ обладаетъ секретными знаніями: онъ умѣеть испортить ружье своего сосѣда, отнять охотничье чутье у собаки, давши понюхать ей вреднаго вещества, умѣеть исправить ту же собаку, выпустивши ей кровь изъ носу иглою и т. д. Каждый охотникъ для другого охотника кажется носителемъ всякихъ, явныхъ и секретныхъ знаній, пріобрѣтенныхъ въ дремучемъ лѣсу въ одинокой лѣсной жизни, гдѣ воображеніе каждого сильнѣе работаетъ. Поэтому является довѣріе и недовѣріе къ сосѣду, смотря по тому, расположены ли онъ къ вамъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ существуетъ чрезвычайное вниманіе къ его словамъ, заключающимъ намеки на разныя секреты. А отъ напряженного вниманія къ скрытому значенію словъ, произносимыхъ въ дремучемъ лѣсу среди боговъ и звѣрей уже недалеко для некультурнаго человѣка до признанія за словомъ таинственной, необычайной силы. Такъ „хитрая“ охота развивается въ охотникѣ, который постоянно слышитъ таинственный шумъ лѣса и гулкій говоръ ручьевъ, мистическій взглядъ на человѣка, что онъ есть носитель тайнъ всякихъ, полезныхъ и вредныхъ силъ. Изъ этого взгляда развивается понятіе „вошидзъ“ — порча, о чёмъ мы скажемъ немного ниже.

Такимъ образомъ, мистицизмъ Зырянъ, какъ мистицизмъ и другихъ

прежде шаманствовавшихъ и нородцевъ не столько ихъ расовое свойство, сколько следствіе ихъ охотничьяго быта. Между тѣмъ, юристы и медики, имѣвшіе дѣло съ Зырянами, выражали взглядъ, что мистицизмъ этого племени такъ глубокъ, что долженъ считаться расовымъ ихъ свойствомъ. Теперь обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла, на вліяніе охоты на воображеніе человѣка и на его поэтическія струны, тѣмъ болѣе, что охота у Зырянъ единственный источникъ поэзіи и съ паденіемъ ея исчезнетъ поэзія народа, оставивъ вмѣстѣ съ промышленностью и комфортомъ жалкій, безцвѣтный материализмъ. Поэзія, какая только есть у Зырянъ, это поэзія лѣса. Въ краткихъ поемахъ, въ суевѣрныхъ разсказахъ героями являются охотникъ, лѣсной богъ, его жена, собака лѣсного бога и собака охотника; дѣйствіе происходитъ всегда въ дремучемъ лѣсу. Правда, имѣются сказки иного рода, но можно утверждать обѣ этихъ сказкахъ, что онѣ заимствованы или отъ Русскихъ или съ востока; имѣются еще зырянскія бытовыя пѣсни, но оригинальныхъ очень мало, большинство—заимствованыя русскія. Лѣсная поэзія является среди Зырянъ единственнаю, если еще не принять въ разсчетъ нѣсколько сказокъ, весьма старинныхъ, указывающихъ, на ихъ древнихъ боговъ—Енъ, богъ солнца, луны, радуги и т. п., и нѣсколько присказокъ въ вопросоответствтной формѣ.

Въ краткихъ поемахъ и суевѣрныхъ разсказахъ выводится Йиръ-Капъ—охотникъ, который сдѣлалъ себѣ волшебныя лыжи изъ чудесно струящаго кровь дерева. Эти лыжи сами мчались, лишь только герой ставилъ въ нихъ свои ноги. Трудная охота на оленей казалась ему очень легко. Пока топилась печь въ его избѣ, онъ ъздила при помощи своихъ лыжъ рыбачить на озеро Сѣмты. Въ другихъ разсказахъ рисуется охотникъ неудалый. Онъ стрѣляетъ бѣлку и все неудачно и зоветъ на помощь къ себѣ „лѣсного бога“. Тотъ,—высокій ростомъ мужина въ синемъ кафтанѣ, является со своею собакою и сразу застрѣливаетъ бѣлку, скажетъ „на, бери, дядя“, и исчезнетъ въ лѣсной чащѣ. Проглядываетъ иногда въ суевѣрныхъ разсказахъ и недовѣріе къ „лѣсному“ и даже, вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанства враждебное чувство. Такъ разсказывается, что изъ-за хвастливаго слова охотника разъ „лѣсные“ стали бросать въ слуховое окно охотничьей избушки мертвыми бѣлками. Если бы охотникъ не догадался, по совѣту брата, крестить лапы брошеныхъ бѣлокъ, то онъ былъ бы задушенъ ихъ массою. Такъ какъ охота требуетъ не только смѣлости и удальства, но и знанія заговоровъ, то въ членѣ разсказовъ изъ лѣсной жизни встрѣчаются и такие, которые говорить о людяхъ, знающихъ страшные заговоры. Тювѣ—колдунъ жилъ въ густомъ лѣсу и былъ всѣмъ коноваламъ коновалъ“. Онъ зналъ такие сильные заговоры, что для усвоенія ихъ нужно отказаться отъ солнца и луны, проклясть

свѣтъ дневной, мать и отца своихъ. Шыбича — другой чародѣй, которыйѣздила на парѣ лошадей и спускался съ ними въ рѣку, подъ ледъ и, проѣхавъ нѣсколько верстъ подъ водою, выѣзжалъ изъ проруби обратно на ледъ.

Преданія и разсказы, гдѣ говорится объ охотникахъ, колдунахъ, о лѣсномъ богѣ, и составляютъ лѣсную поэзію Зырянъ. Подробный ея анализъ, тщательное сопоставленіе ея содержанія съ содержаніемъ поэзіи другихъ финскихъ племенъ и вообще съ сѣверной поэзіей потребуетъ много времени и места, поэтому здѣсь я долженъ отказаться отъ описанія и характеристики словесности Зырянъ и удовольствоваться только констатированіемъ факта, что самобытная ихъ поэзія обусловлена почти исключительно охотой; чародѣйство и древніе высшіе боги солица и луны только нѣсколько оживляютъ однообразное содержаніе сувѣрныхъ разсказовъ о похожденіяхъ охотниковъ.

Итакъ, охота — истинный источникъ мистицизма и поэзіи Зырянъ. Охота же въ дремучихъ лѣсахъ развила, какъ мы уже видѣли, подвижность, ксомополитизмъ и предпріимчивость этого племени. Перехожу къ третьему фактору, измѣняющему психической складъ народа.

ГЛАВА III.

Третій факторъ психической жизни — древняя культура народа

а) домашняя жизнь Зырянина въ старину. б) малое развитіе общественности, с) изолированность Зырянъ, лишившая ихъ материала для развитія соціальныхъ понятій.

Какая была культура у Зырянъ въ тѣ старыя времена, до которыхъ доходитъ филологическій анализъ словъ — названий домашней утвари, разныхъ вещей материальной культуры? Какая культура могла быть подъ ярко искристымъ, блестающимъ далекими холодными звѣздами, блѣдно-голубымъ небомъ, въ дремучихъ лѣсахъ, полныхъ сѣйжными сугробами, въ странѣ бездорожной, малолюдной, еле озаряемой въ зимніе дни руманнымъ солнцемъ, на какой-нибудь часъ выходящимъ на горизонтъ, теряющимъся въ синихъ лѣсахъ? Какую культуру можетъ создать народъ у лѣсивыхъ рѣкъ, однообразно и плавно текущихъ по песчаному руслу среди мелей и уныло-монотонныхъ береговъ, — живя посреди сосенъ и елей, среди овода и хищныхъ звѣрей? Что думалъ этотъ народъ, когда порою случалось ему смотрѣть на солнце и луну, часто скрываемыя зимнимъ и ночнымъ мракомъ? что слышалъ онъ въ шумѣ водъ лѣсныхъ ручьевъ и рѣчекъ въ свистѣ вѣтра между вѣтвями столѣтнихъ деревьевъ? Кому молился онъ, о чёмъ плакалъ и вздыхалъ дитя — на-

родъ, одиноко живя вдали отъ историческихъ странъ, питая душу своеобразной мистикой? Бродя по болотамъ и собирая ягоды и грибы по холмамъ, канія мечты лелѣялъ онъ, какими заботами былъ удрученъ?

Знаніе современныхъ Зырянъ, ихъ культуры, ихъ языка, повѣрій и сказокъ, и сосѣдей Зырянъ-Самоѣдовъ, Остяковъ дадуть возможность въ отвѣтъ на эти вопросы нарисовать блѣдную картину ихъ прошлой жизни.

Зыряне жили въ маленькихъ избушкахъ, построенныхъ безъ всякаго порядка. Избушка Зырянина состояла изъ 3-хъ частей. Въ одной части жила семья въ другой хранились вещи, и эта часть наз. „кумъ“; въ третьей части помѣщался домашній скотъ, и эта часть наз. „карта“. Для молодыхъ животныхъ устраивался „гидъ“. Въ жилую избу вели нѣсколько ступеней—съ улицы (пос); внутри жилой избы не было печи, ни бѣлой, ни черной, а была каменка, полусферической формы, сложенная изъ песчаника и др. камней. Эта каменка наз. „горъ“. (Такъ именно можно думать потому, что слово пач, называвшее печи, есть видоизмѣненное русское слово печь: заимствованъ былъ предметъ, а съ нимъ вмѣстѣ и слово. Это во-1-хъ, во-2-хъ, въ банихъ, въ овинахъ, въ охотничихъ избушкахъ въ недавнія времена вездѣ устраивалась каменка „горъ“). Въ каменкѣ, выстроенной въ жилой избѣ, варилаша пища, дымъ выходилъ въ дымовое окно подъ полатями. Это-то дымовое окно, въ которое въ моментъ рожденія дѣтей ходили духи, доброжелатели и зложелатели дитяти (повѣріе о дымовомъ окнѣ до сихъ поръ существуетъ). Въ одномъ углу жилой комнаты была каменка, въ другомъ ручная мукомолка, состоящая изъ двухъ, одинъ на другой сложенныхъ жернововъ: нижній прикрѣпленъ неподвижно къ столику, верхній вращается; для удобства вращенія къ послѣднему придѣльвалась деревянная ручка, прикрѣпленная однимъ концомъ къ полатямъ или къ пару, другимъ къ жернову. Такія мукомолки еще и теперь можно встрѣтить гдѣ-нибудь въ глухой мѣстности по Вишерѣ или Локчимъ, хотя всегда уже построены теперь водяныя мельницы. Ручная мукомолка наз. по зырянски „горт-из-ки“ (домашній ручной камень).

Стѣны (берд) и потолокъ (йиркѣ) жилой избы были густо покрыты сажей и были гладки, какъ зеркало; на полу, на соломѣ на обрубкахъ (джекѣ) бревенъ играли дѣти, тамъ же жили телята и ягната. Хозяйка дома на прялкѣ (печканѣ) пряла нитки и на „дзявѣ“ приготовляла „сюри“ для тканья. На ней длинная холщевая рубашка, на шеѣ „сикоч“ (бусы), изъ ногахъ „кыс“. Обувь „кыс“ приготавлялась изъ кожи переднихъ ногъ лошади. Вмѣсто чулокъ у зырянки „черес“ изъ самотканнаго сукна. „Червонью“ она подпоясана. Выходя на улицу, Зырянка надѣваетъ бураго цвѣта „сукманъ“ (основа его изо льна, выткано изъ шерсти, въ праздники Зыряне носили „дукос“

у которого и основа изъ шерсти). На хозяинѣ тоже холщевая рубашка и шаровары. Онъ подпоясывается кожаннымъ ремнемъ, повѣсивъ спереди у него „бива“—это кожаный мѣшочекъ, въ которомъ хранится сталь, кремень для добыванія огня, трутъ (чакъ) — грибъ, ростущій на березовомъ пнѣ; въ „бива“ же хранятся и деньги. Собственно слово „бива“ обозначаетъ огонь—вода, значитъ, все въ этомъ мѣшочекѣ. Хозяинъ-охотникъ сверху надѣваетъ шубу, покрытую холстомъ (а въ морозы—малицу изъ оленей шкуры), беретъ лукъ и на оленыхъ лыжахъ идетъ на охоту, развѣшивъ на себѣ разные припасы, таша за собою длинный „норт“. Такова обстановка Зырянина и Зырянки въ старыя времена.

Изъ домашняго скота у нихъ были лошади, овцы, коровы. Лошадки маленькия быстрыя, похожія на чухонскихъ и черемисскихъ; коровы комолыя „зырянки“, овцы маленькия, свиней не было. Слово „порсь“—название свиньи отъ русскаго слова поросенокъ (Алквиистъ такого же мнѣнія).

Въ избахъ вмѣсто оконъ были маленькия отверстія въ стѣнѣ на разныхъ высотахъ отъ поверхности земли, вмѣсто стеколъ въ нихъ „рушки“—рубецъ коровы. Во второй половинѣ жилой комнаты въ „кумѣ“ хранились земледѣльческія орудія: серпъ (чарла), косы не было, соха (гѣр), борона (пиня); охотничіи принадлежности, рыболовные снаряды: куломъ, ботанъ, азълась. Куломъ и ботанъ—сѣти, азълась—особый снарядъ для ловли рыбъ ночью, когда онъ спать подъ водою. Азълясомъ прокалываютъ рыбъ и вытаскиваютъ ихъ изъ воды въ лодку. Въ „кумѣ“ же хранились и праздничныя одежды.

Нѣсколько только что описанныхъ зырянскихъ избушекъ составляли деревню, которую охраняли вѣрные друзья Зырянина—охотничіи собаки особой сѣверно-финской породы.

Около избушекъ стояли бани, овины чрезвычайно простого устройства съ каменками изъ пеечниковъ. Въ бани, читая заговоры, Зырянинъ вылечивался отъ всѣхъ болѣзней. Возвращался оттуда, испытавъ невыносимый жаръ отъ раскаленныхъ камней, въ свою избушку безъ шапки, босикомъ по глубокому снѣгу, безъ верхней одежды, посматривая на небо, что бы по звѣздамъ угадать и время ночи и завтрашнюю погоду.

Кромѣ маленькихъ деревушекъ у Зырянъ были тамъ и сямъ большія села и около нихъ кумирницы, полныя мѣдныхъ и деревянныхъ боговъ—лѣса, воды, огня и т. д. Были священные березы, всегда украшенныя шкурами звѣрей. Деревни и села строились по берегамъ рѣкъ. Онъ были окружены дремучими лѣсами. Въ лѣтнее время около ручьевъ въ лѣсахъ желтѣли ячменныя поля на „новахъ“ (подсѣчная система), на полянахъ паслись комолыя коровы Зырянъ и маленькия ихъ лошадки, окруженыя кострами, дымъ

которыхъ защищалъ ихъ отъ овода, а собаки однѣ хранили скотъ отъ дикихъ звѣрей.

Но кромѣ этихъ земныхъ существъ, Зырянъ окружали невидимые духи—боги, которые играли чрезвычайную роль въ изъ жизни. Небесный сводъ, украшенный звѣздами, былъ мѣстомъ обитанія бога “Енъ” (значитъ Енъ—небо, такъ думать можно потому, что ватское слово „ин“ означаетъ небо; и и е—звуки, замѣщающіе другъ друга въ зырянскомъ и ватскомъ языкахъ. Это замѣчаніе интересно въ томъ отношеніи, что западныя Финны не имѣютъ слова небо, которое у нихъ замѣняется заимствованнымъ отъ арійцевъ словомъ *taivas*). На небѣ же жили солнце и луна—боги и быкъ небесный—радуга (юшка—мѣшкѣ); но эти боги были далеки отъ людей; болѣе близкими изъ нихъ были вѣрса „лѣсной хозяинъ“, его жена—йома, его дѣти, медвѣдь—ошъ, богъ рѣки—васа. Этимъ близкимъ богамъ приносились жертвы. Религія Зырянъ, конечно, очень интересна, но о ней я не говорю здѣсь подробно, такъ какъ пытался уже возстановить ее въ ст. „языческое міросозерцаніе зырянъ“. Однако въ этнографіи Зырянъ умѣсто вспомнить о своеобразномъ ученіи Зырянъ объ ортѣ—двойникѣ человѣка. Мужики изъ Шойнаты разсказывали мнѣ, что, когда человѣкъ приходитъ въ гости, за нимъ приходитъ его ортъ—тѣнъ—двойникъ, такой же какъ онъ, въ такой же одеждѣ, какъ тотъ человѣкъ. Когда человѣкъ умретъ, ортъ еще продолжаетъ жить. Отецъ разсказчика умеръ, но люди видѣли его сидящимъ на мосту въ синемъ сукнѣ, на двойникѣ видѣли ту же бѣлую шляпу, тотъ же пестрый кушакъ, что онъ носилъ всегда.

Зыряне мужчины проводили всѣ свои дни на охотѣ. Женщины занимались дома хозяйствомъ—пряжей и тканьемъ. Онѣ вели разговоръ о своихъ сосѣдкахъ, о колдуньяхъ и т. п. Въ ихъ словахъ сквозитъ недовѣріе къ сосѣдкамъ, мистическое отношеніе къ ихъ словамъ, боязнь порчи и проч. „Моя сосѣдка“, скажетъ одна изъ бесѣдующихъ: „вчера, встрѣтившись со мною спрашиваетъ, гдѣ дорога въ село Гамъ; развѣ она не знаетъ дороги? Я смолчала, надо было бы отвѣтить—Ен-керасо—т. е. дорога тамъ на божихъ холмахъ. Тогда она поняла бы и оставила свои злые замыслы“.

Въ праздничные дни въ честь боговъ Зыряне на лыжахъ отправлялись въ гости верстъ за 100, за 200 и пили съ друзьями „суръ“ (пиво) и щли ячменный хлѣбъ и пироги изъ ячменного тѣста и шаньги (лепешки, покрытые сметаной—чисто финскаго происхожденія). Лѣтомъ они въ маленькихъ лодочкахъ, съ шестами въ рукахъ, отправлялись по рѣкѣ на ярмарки. Упираясь шестами въ песчаное дно рѣки, они плыли вверхъ и внизъ, равнозѣно быстро достигали назначенаго сборнаго мѣста, гдѣ, послѣ общихъ моленій языческимъ богамъ (послѣ XIV в. христіанскимъ угодникамъ), приступали къ торговлѣ.

Такова была культура Зырянъ уже въ историческое время, до которого можетъ насъ привести тщательное изученіе собственныхъ зырянскихъ названий вещей материальной культуры, и заимствованія словъ отъ русскихъ, хотя уже измѣненныхъ по законамъ перехода звуковъ русского языка въ звуки зырянскаго, а также и сопоставленіе культуры самыхъ глухихъ зырянскихъ мѣсть—по рр. Выми, Вишерѣ, Пожѣгъ, Локчимъ и т. д. съ образомъ жизни сосѣдей Зырянъ—Вотяковъ, Самоѣдовъ, Остяковъ. (Занимаясь возстановленіемъ хотя бы отдельныхъ штриховъ картины прошлой жизни зырянъ, я имѣлъ передъ собою результаты, къ какимъ пришелъ известный финнологъ Алквиистъ, написавшій книгу о древней культурѣ Финновъ. Но онъ, какъ мнѣ кажется, говорить о культурѣ вообще Финновъ и притомъ въ времена, предшествовавшія появленію Русскихъ въ области Волги и Западной Двины. Съ точки же зренія психологіи народа не безъинтересно знать его культуру уже въ историческія времена, считая эту культуру за факторъ, создающій психику племени. Поэтому, изслѣдовавши бытъ Зырянъ самыхъ глухихъ мѣсть Вологодск. губ., я пытался здѣсь описать культуру Зырянъ уже поисторическую, сравнительно недавнюю, возникшую на общефинской почвѣ, но развивавшуюся уже въ характеристической формѣ частно-зырянскаго образа жизни. Анализъ словъ—названий предметовъ домашняго и хозяйственнаго обихода былъ для меня дополнительнымъ методомъ къ этнографическимъ пріемамъ изслѣдованія).

Теперь можно бы перейти къ тому, какую тенденцію могла имѣть въ психологіи народа древняя культура Зырянъ, но появляется еще вопросъ, одна ли была культура въ области Вычегды и ея притоковъ? Не было-ли тамъ народа, живущаго рядомъ съ Зырянами, и не вліялъ ли этотъ народъ въ ѹмственномъ и материальномъ отношеніи на Зырянъ? Слѣдующіе факты и соображенія позволяютъ ставить этотъ вопросъ. Всѣ Зыряне говорятъ, что недалеко отъ Вишеры, отъ Эжола, около Кибры (въ 20-ти верстахъ отъ Устюга) имѣются древнія чудскія поля подъ сосновыми лѣсами, борозды ихъ замѣтны весьма ярко. Около Вишеры—холмъ кар-мылькъ, тамъ былъ найденъ желѣзный топорикъ и еще кое-что; около Шойнаты указываютъ „чудскія гумна“, около Эжола—чудскія могилы и поля. Народъ говорить, что Чудь сама себя хоронила въ землю, не желая принять христіанства. Она рыла огромныя ямы въ землѣ, на верху ихъ устраивала деревянную крышу, заваленную землею (у Алквииста, есть указаніе, что подобныя ямы служили для жилья въ зимніе морозы). Деревянная крыша устраивалась на одномъ столбѣ. Народная легенда утверждаетъ, что Чудь спускалась въ подобныя ямы, перерубая извнутри поддерживавшія крыши столбы, и тамъ встрѣчала смерть отъ обрушившейся тяжести. Смерть была имъ слаще, чѣмъ христіанство.

Чудскія поля по обширности превосходятъ пространство нынѣтніхъ земельныхъ угодій. Съ другой стороны старики говорятъ, что ростъ населенія идетъ быстро, что гдѣ раньше были отдельные дома, тамъ теперь деревни, что даже при ихъ жизни возникли новые поселки и деревни (Визябожъ). Какъ же согласовать большой районъ прежнихъ полей, принимая ихъ за зырянскія, съ малочисленностью прежнаго населенія, которое, не смотря на довольно быстрый, по мнѣнію старииковъ, ростъ, и теперь занимаетъ пространство, не большее района чудскихъ полей. Подсѣчной системой и ошибочностью мнѣнію старииковъ можно кое-что объяснить, но необходимо всетаки допустить и передвиженіе населенія, разъ возникаютъ новые села (Вильгорть) и деревни. Есть впрочемъ и еще соображенія.— Названія рѣкъ не всеъ объяснимы изъ зырянскихъ корней, напр. Вымь по зырянски Емва, т. е. вода племени Емь, а Емь-племя западно-финское. Названіе рѣчекъ въ западной части Яренскаго уѣзда не совсѣмъ зырянскаго происхожденія: Диль-межъ, Мадмасъ, Кижмола, Яренъга (слова Пинега, Онега, Югъ, по мнѣнію Вескѣ, западно-финскаго корня). Нѣкоторыя имена рѣкъ въ Яренск. уѣздѣ чисто зырянскія: Керкашъ, Урбашъ, Чорва. Такъ какъ по Сѣв. Двинѣ жили западн. финны: Ярокурье, Удима, Ускорье, Кивокурье, Тойма, Піанда, Пинега, Уйма и т. д., то возможно допустить, что въ Яренск. уѣздѣ, мѣстности Зырянъ, жили колонисты зап. Финновъ, оставившіе свои названія рѣкамъ и мѣстечкамъ въ этомъ уѣздѣ. Присоединимъ сюда еще два соображенія.— Камская земля (около Чердыни) по зырянски Комму (Коми-зырянинъ, муземля); какъ будто Чердынь и Пермь—родина Зырянъ. Второе:— Языки вотскій и зырянскій—два нарѣчія одного финскаго языка пермской группы. Вотяки живутъ въ Вятск. губ., Пермяки по Камѣ; поэтому нѣть ничего нелѣпаго въ допущеніи, что до VI—IX в.в. Зыряне жили въ области Камы, а область Вычегды была занята западно-финскими колонистами. Впослѣдствіи, съ паденіемъ Двинской земли, колонисты зап. финны (Чудь) ушли на западъ или погибли въ борьбѣ съ Русскими, а Зыряне перешли съ Камы на ихъ мѣсто, въ область Вычегды, можетъ быть, кое что заимствовавъ отъ уходящихъ финновъ для поднятія своего материального благосостоянія. Если это такъ, то вопросъ о древней культурѣ усложняется необходимостью еще знать двинскую культуру западныхъ финновъ. Къ сожалѣнію, допущенія эти не могутъ выйти изъ области предположеній. Что же, дѣйствительно известно, такъ это то, что съ XIV в. Зыряне жили уже одни въ области Вычегды, стоя на той ступени культуры, которую пытались мы нарисовать выше. Объ этомъ мы знаемъ изъ житія св. Стефана, епископа Пермскаго, написанного Епифаніемъ Мудрымъ со словъ этого апостола Зырянъ.

Такимъ образомъ, оставивъ гипотезы, можемъ констатировать, что та

низкая ступень культуры, которая изображена въ этой главѣ, являлась факторомъ, дѣйствующимъ безпрерывно на психику Зырянъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіе пяти или шести столѣтій, а такой факторъ достоинъ изслѣдованія.

Изолированная жизнь Зырянъ въ маленькихъ деревняхъ, состоящихъ изъ двухъ-трехъ избушекъ среди дремучихъ лѣсовъ, дѣйствовала постоянно въ томъ смыслѣ, что соціальнымъ инстинктамъ не было возможности исторически развиться. Никакой общественной жизни, не говоря уже о политической, не было у Зырянъ. Никакой организаціи, никакихъ войнъ, никакихъ воиновъ-героевъ, вслѣдствіе этого никакихъ богатырскихъ былинъ, какія имѣются даже у Остяковъ. Зыряне охотники, отчасти земледѣльцы, и болѣе ничего. Они жили отдѣльно другъ отъ друга въ сосновыхъ избушкахъ, читая заговоры и молясь лѣснымъ богамъ. Рѣдки бывали у нихъ собранія въ кумирницахъ, около священныхъ деревьевъ, для общей молитвы по зову кудесниковъ или туновъ.

Слѣдствія этой лѣсной жизни при мистическомъ недовѣріи другъ къ другу, при постоянныхъ сношеніяхъ съ тайнами природы и съ бродящими по лѣсамъ богами, ярко отмѣчены исторіей. Читая лѣтописи, житіе св. Степфана, вы нигдѣ не увидите, чтобы Зыряне противъ кого-либо составляли войско, на кого-либо нападали, недовольные чѣмъ-либо волновались, какъ это дѣлали Черемисы, робкіе Вотяки, у которыхъ есть поэмы и богатыри, немногочисленные вогулы, у которыхъ были князья. Въ лѣтописяхъ мы читаемъ нечто обратное. Новгородцы грабятъ Зырянъ, на послѣднихъ нападаютъ Вятчане (XIV в.), на Зырянъ же идутъ съ востока Вогулы со своимъ княземъ Асыки; Новгородцевъ на обратномъ пути бьютъ Устюжане, противъ Вогуловъ выходитъ чѣть ли не одинъ св. Степфанъ, епископъ зырянскій, а о Зырянахъ ни слуху, ни духу; они, эти мѣткіе стрѣлки, смѣлые люди совершенно ничтожны въ гражданственномъ отношеніи. Ни общихъ протестовъ, ни богатырскихъ пѣсенъ, которыхъ возможны лишь при военныхъ столкновеніяхъ народа—ничего этого нѣтъ. У робкихъ Вотяковъ, физически болѣе слабыхъ, чѣмъ Зыряне, были большія войны съ новгородскими выходцами до основанія гор. Вятки и послѣ; у Вотяковъ поэтому имѣются сказанія о богатыряхъ, и это потому, что Вотяки жили общественной жизнью въ большихъ селеніяхъ и въ городахъ. Зыряне же во все времена исторіи читали заговоры, охотничали, творили чары со сѣдѣ надъ сосѣдомъ, деревня противъ деревни; у нихъ не было городовъ, не было князей. Это неразвитіе соціальной жизни было, мнѣ думается, отчасти причиной и того, что язычество Зырянъ такъ скоро уступило христіанству, тогда какъ Вотяки до сихъ поръ не забыли началь своего язычества; они и теперь въ лѣсахъ цѣлыми обществами молятся своимъ богамъ. Тоже самое можно сказать о Черемисахъ. Для психолога этнографа разъ-

яснить интересно, — эта гражданственная неразвитость, отсутствие общественныхъ понятій и привычекъ имѣютъ ли мѣсто и въ нынѣшнемъ быту Зырянъ? — Да, имѣетъ, не смотря на то, что русскіе болѣе, чѣмъ два столѣтія, вводятъ въ бытъ Зырянъ свои административные и общественные порядки. Зырянская мѣстность раздѣлена на волости, сельскія общества съ выборными порядками, съ волостными и сельскими сходами, со старшинами и старостами. Не углубляясь особенно въ жизнь Зырянъ, можно замѣтить, какъ соціальная неразвитость, индивидуальная изолированность красною нитью проходитъ въ теперешней общественной жизни ихъ.

Не говоря уже о томъ, что у Зырянъ нѣтъ никакого самосознанія, никакого стремлѣнія записать и сохранить памятники народной словесности, въ общественной жизни ихъ нѣтъ ничего стойкаго, опредѣленнаго. Плутовство волостныхъ властей (старшины, судей) дѣло обычное; легкомысліе и неморальность волостныхъ и сельскихъ сходовъ, дѣлающихъ все „на вино“ — явленія самыя распространенные. Зависть и злоба сосѣда къ сосѣду, бѣднаго къ богатому, суровыя расправы между собою, злоба молодыхъ противъ старыхъ, столкновенія между деревнями, вражда охотниковъ одной рѣчной системы съ охотниками другой — вотъ на какія категоріи явленій наталкивается этнографъ; семейная привязанности тоже не велики. Сынъ, женившись, никогда не живетъ со своимъ отцомъ, а строить себѣ отдельный домикъ, заводить отдельное хозяйство. Обращеніе дѣтей и внуковъ съ безпомощными стариками самое жестокое. Ежечасно приводится одна и также мысль: „не работающій не долженъ есть“.

Малое развитіе соціальныхъ отношеній связано съ малымъ развитіемъ морали. Индивидуальная изолированность и эгоизмъ тоже совмѣстныя явленія. Взаимопомощь у Зырянъ мало развита. Хотя у нихъ и есть т. наз. „помочи“, но, какъ указываетъ и самое слово, это едва ли не заимствованный отъ Русскихъ обычай. Какъ древняя культура дѣйствовала на развитіе языческаго мистицизма, мы уже говорили объ этомъ въ главѣ объ охотѣ и о вліяніи природы на человѣка. Здѣсь подчеркнули мы самое главное — неразвитость морально-соціальной жизни у Зырянъ, совершенное отсутствіе на всемъ протяженіи исторіи политической жизни, что объясняется изъ ихъ охотничьей культуры, изъ географической разсѣянности по маленькимъ деревушкамъ, по берегамъ большихъ рѣкъ, среди дремучихъ лѣсовъ сѣвера. Эта соціально-моральная неразвитость есть въ свою очередь чрезвычайно сильный факторъ въ психической жизни народа. Онъ обнаруживается въ общественномъ неустроиствѣ Зырянъ, въ ихъ семейной жестокости, въ враждебномъ и недовѣрчивомъ отношеніи другъ къ другу крестьянъ одного и того же села и деревни. Это выражается еще и въ чрезвычайномъ равнодушіи Зырянъ, читающихъ русскія

и славянскія книги, къ книгамъ, написаннымъ по зырянски, въ совершенномъ отсутствіи письменнаго самосознанія, въ рабости и непривычности къ дѣятельности общественнаго характера, въ чрезвычайной любви къ изолированной жизни, неспособности къ большимъ торговымъ оборотамъ, въ неумѣніи занять въ русскихъ областяхъ положеніе равное Русскимъ. Вездѣ проглядываетъ рабость, неумѣніе ориентироваться въ общественныхъ отношеніяхъ, неспособность, при чрезвычайномъ терпѣніи и выносливости, стать въ полезное равенство съ болѣе развитыми въ гражданственномъ отношеніи Русскими.

Однако такому антиобщественному вліянію образа жизни древнихъ Зырянъ на ихъ психику всегда противодѣйствовалъ въ значительной степени одинъ психо-физический факторъ, о которомъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

Четвертый факторъ психического развитія — соматические свойства народа.

а) Физический типъ Зырянъ. Антропологическая (соматическая) особенности ихъ. б) Психические свойства, какъ результатъ этихъ особенностей: темпераментъ, характеръ, особенности ума и чувствъ. Понятіе расы. Общій выводъ.

Каждый изъ насъ, читая о Татарахъ, Славянахъ, Финнахъ, думаетъ, что расы и племена рѣзко отличаются другъ отъ друга физически и, путешествуя между разными племенами, бываетъ недоволенъ, что въ сущности люди разныхъ племенъ по вѣнѣнію виду и внутреннему психическому складу мало отличаются другъ отъ друга. Всякій народъ, всякое племя имѣеть самыхъ разнообразныхъ своихъ представителей. Племена отличаются одно отъ другого болѣе системой жизни, сложившейся исторически, природой мѣстности, міровозрѣніемъ, чѣмъ физическими свойствами. Во всемъ крупномъ, бросающемся въ глаза, въ основныхъ свойствахъ души разныя племена и расы одинаковы. Философъ-путешественникъ можетъ быть утомленъ однообразіемъ явлений жизни и духа. Различіе же чаще въ колорите жизни, въ сочетаніи красокъ и костюмовъ и пейзажей, въ своеобразіи религіи и поэзіи (чаще въ формахъ и образахъ, чѣмъ въ существѣ), отчасти въ обычаяхъ и учрежденіяхъ.

Но такое мнѣніе о племенахъ складывается въ этнографѣ-наблюдателѣ не безъ внутренняго протesta и только постепенно. Сначала же онъ ищетъ рѣзкихъ отличій одной расы отъ другой и въ первое время находитъ ихъ. Такъ относительно Зырянъ разные наблюдатели разное находятъ. Одни говорятъ, что Зыряне — смуглый народъ съ черными волосами, потому что онъ урало-алтайского племени, другие, что онъ съ рыжими волосами, потому что

онъ финскаго племени. Клавдій Шоповъ въ книгѣ о Зырянахъ приводить мнѣніе г. Курагова, который полагаетъ, что Зыряне—народъ, состояющій изъ двухъ типовъ: черноволосыхъ, безбородыхъ и русоволосыхъ съ большими бородами. Первые, по его мнѣнію, урадо-алтайскаго племени, а вторые—имѣясь славянской и финской расы.

Къ сожалѣнію для тѣхъ, кто ищетъ яркихъ признаковъ племенъ, Зыряне мало отличаются по внѣшнему типу отъ Русскихъ, такъ, какъ Черемисы и Чуваши. Въ такихъ случаяхъ больше работаетъ воображеніе и желаніе найти искомое. Отличія племени не велики и мало уловимы. При всемъ желаніи только два—три признака, и то колеблющихся, можно указать, которыми сколько-нибудь отличается Зырянинъ отъ Русскаго внѣшнимъ образомъ. Во 1-хъ, черныхъ и чисто рыжихъ нѣтъ или совсѣмъ мало; двойственности типа не видно. Преобладающій типъ—среднаго роста, широкоплечій Зырянинъ съ сѣрыми небольшими глазами, нѣсколько выдающимися скулами, съ русыми волосами и рыжеватой бородкой. Это ловкіе, крѣпкіе люди, подвижные, работящіе. Вотъ все, что можно сказать о внѣшнемъ видѣ, къ такому заключенію привело меня чуть не поголовное изученіе всѣхъ Зырянъ по селамъ и деревнямъ. А женщины еще менѣе отличаются по виду отъ русскихъ женщинъ, развѣ только ростомъ вообще ниже. Разница въ особеностяхъ міровоззрѣнія, въ характерѣ, въ чувствахъ,—это другое дѣло, разница въ порядкѣ жизни. Миръ психической разнообразнѣе міра физического вообще.

Я видѣлъ Чувашъ, Черемисъ: если бы не ихъ костюмы и не языки, какъ отличить, что они не Русскіе? Поэтому въ предстоящей главѣ я хотѣлъ бы говорить не о внѣшнемъ видѣ, я о томъ, о чѣмъ говорилъ Шопенгауэръ въ такомъ приблизительно выраженіи—„глядите на человѣка, на его походку, на движеніе рукъ и ногъ, даровитый человѣкъ походить на арфу, онъ строенъ въ физической организації“. Я хочу сказать о такихъ физическихъ свойствахъ племени, которыя вліяютъ на его духъ. Такихъ физическихъ особенностей, я думаю, три главныя: размѣры тѣла, мускулатура и форма черепа. Сравните вы Малорусскаго крестьянина съ Зыряниномъ. Первый высокъ ростомъ и отличается медленными движеніями; Зырянинъ малъ ростомъ (средній ихъ ростъ ниже среднаго русскаго центральныхъ губ.), подвиженъ, и это очень важное свойство. Сравните Татарь-носильщиковъ на пристаняхъ съ Зырянами. Первые отличаются большимъ объемомъ тѣла и крупными членами, они тяжелы и неповоротливы; Зыряне имѣютъ малый объемъ и подвижны, они легки и мускулисты. И это въ психическомъ отношеніи опять очень важно. Зыряне сами сознаютъ свои отличія. Они говорятъ, что Зыряне—народъ малорослый, но удалый, Русскіе крупны, но не удалы. Старикъ изъ Шойнаты мнѣ рассказывалъ, какъ онъ, будучи малъ ростомъ, побѣждалъ въ борьбѣ крупныхъ

Русскихъ, и это такъ его увлекало, что разсказывая, онъ готовъ былъ вступить со мною въ схватку, хотя ему уже 79 лѣтъ. Ижемцы—народъ самый удалый, по мнѣнію крестьянъ, двинскій народъ—самый высокій и сильный, Вятчане—неповоротливы. Самоѣды малы, но отличаются сильными руками, которыхъ у нихъ развиваются отъ бросанія аркановъ. Вообще же говорятъ Зыряне, что по верховьямъ рѣкъ народъ мельче, по низовьямъ больше. Измѣренія (антрополог.) показываютъ, что средній ростъ Зырянина около 168,6 сант., а Русскаго не менѣе 172,0; средній ростъ Зырянки около 156,0 сант. а Русской 160,0. Средній вѣсъ Зырянина около 4 пуд.; онъ поднимаетъ съ земли 4—5 пуд., а татаринъ несетъ на спинѣ десятки пудовъ.

Преждѣ чѣмъ перейти къ разбору свойствъ черепа, скажемъ, какія послѣдствія можетъ имѣть въ психологіи народа эти малые размѣры тѣла, отличающагося ловкостью и крѣпостью мышцъ. Я видѣлъ толпы Малороссовъ мирно сидящихъ на травѣ около бѣлой хатки и пьющихъ горилку, видѣлъ также пирующихъ Зырянъ—этотъ подвижной, матежный народъ. Они говорятъ, борются, хващаются, ни на минуту не вѣдая покоя. Подъ вліяніемъ наропъ алкоголя большинство Зырянъ имѣетъ легкій характеръ, часто буйный. Почему Зыряне вообще народъ мало уравновѣшенный, и малѣйшій грузъ дѣлаетъ ихъ неуравновѣшеными. У человѣка на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ мало солнечного свѣта, мало развиты центры самообладанія: онъ живетъ хотѣніями, рефлексами, инстинктами, между которыми нѣтъ согласія. Мысль о наживѣ—единственно контролирующая. Ослабнетъ она—человѣкъ валится въ бездну игры отдѣльныхъ центровъ нервной системы. Мнѣ кажется—Зыряне народъ болѣе вспыльчивый, чѣмъ русскіе. Онъ самолюбиво горячится въ спорахъ, готовый на дерзости, онъ неудержимо старается, во что бы то ни стало, побѣдить въ спорѣ противника, потому что знать, понимать для него важное дѣло, а главное потому, что аффектъ его всегда сильнѣе его разсудка. Зырянинъ думаетъ, что все умѣеть дѣлать. Когда я раскрылъ географическую карту, хозяинъ изъ Шойнаты быстро сказалъ мнѣ, что онъ все понимаетъ по картѣ (на самомъ дѣлѣ, конечно, не такъ).

Можно думать эти свойства: быстрота возбужденія, быстрота реакціи, неудержимость—въ чѣмкоторой степени результаты тѣлесной организаціи: подвижной мускулатуры при небольшомъ объемѣ тѣла. Нѣкоторые аффекты у Зырянъ какъ будто ярче и сильнѣе выражаются, чѣмъ у Русскихъ; это показываетъ даже филология. Напримеръ, для выраженія удивленія у нихъ множество сильныхъ выражений—аттѣ зонмѣ, аттѣ дивѣ, экаpare, господи помилуй, сио Христосомъ и т. д. (Вообще рѣчъ Зырянъ быстрая съ сильными удареніями на слогахъ при выразительной мимикѣ и жестикуляціи, но бываютъ рѣдкіе случаи чрезвычайно медленной рѣчи). Ловкій въ движеніяхъ, под-

вижный, энергичный Зырянинъ несомнѣнно отличается щегольствомъ, хвастливостью, смѣлостью въ физическихъ начинаніяхъ, самоувѣренностью. Для него разстояніи и трудности не существуетъ. Въ примѣръ того, до чего Зыряне подвижны, скажу, что на любомъ пароходѣ, идущемъ по Вычегдѣ, спросите вы ихъ, куда ониѣдутъ, и вы услышите, что эта баба съ сыномъ возвращается изъ Киева, гдѣ была по обѣту. Вонъ тѣ молодцы—одинъ изъ Архангельска, гдѣ служилъ въ торговой конторѣ, другой изъ Ирбита, гдѣ онъ арендуетъ землю, вонъ два солдата изъ Владивостока и т. д. Затѣмъ изъ разговора Зырянъ вы слышите: „здѣсь на заводѣ“, „у насъ на заводѣ“. Вы спрашиваете, гдѣ ихъ заводъ.—„Да здѣсь, кутимскій“. Оказывается, они говорятъ о Пермской губ. и ея заводахъ и такимъ тономъ, какъ будто это въ пяти верстахъ (на самомъ дѣлѣ 500 вер. и болѣе).

Мы говорили о вліянні сравнительно малаго объема тѣла съ сильной мускулатурой на психику, быстромъ его реагированіи на явленія виѣшнаго міра, о томъ также, что сильная мускулатура и быстрое реагированіо на виѣшнія события порождаютъ отважность въ человѣкѣ съ одной стороны, съ другой—неумѣніе скрывать свои чувства и настроенія—однимъ словомъ о вліянніи тѣла на волю; теперь остается сказать о значеніи этихъ же физическихъ свойствъ въ развитіи ума и эстетического чувства, которые играютъ большую роль въ общественной и домашней жизни.

Свойства быстро реагировать на явления внешнего мира, содействуя быстрой перемены настроений, обусловливает также быстрое течение мыслей, быстроту сообразительности. В головах Зырянина, действительно, кипит всегда много разных проектов; за то редко можно встретить между ними глубоких людей.

Относительно эстетики мнѣ кажется, что быстро соображающіе люди со скорою смѣною аффектовъ болѣе способны къ музыѣ, чѣмъ къ изобразительнымъ искусствамъ. Въ звукахъ инструмента легче и быстрѣе можно выразить свои чувства, тогда какъ художественные образы созидаются не скоро во времени, и быстрота смѣны настроеній можетъ вредить ихъ цѣльности, какъ рабь воды на озерѣ искажаетъ образы деревьевъ, отражающихся въ немъ.

Теперь, говоря о третьемъ важномъ антропологическомъ свойствѣ—о геометрической формѣ черепа, я долженъ замѣтить, что изъ моихъ наблюдений приходится сдѣлать заключеніе, что длинно-головность (долихокефалія) болѣе благопріятствуетъ послѣдовательности, предпріимчивости въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ, чѣмъ иные формы головы, что ясно очерченный, невыпуклый лобъ, граничащій прямymi углами отъ остальныхъ частей головы, болѣе благопріятствуетъ высокому и тонкому интеллекту, тогда какъ круглая голова съ тупыми углами лба—болѣе говорить о визуальныхъ свойствахъ души.

Съ тенденцией къ долихокефалии встрѣчается нѣсколько процентовъ между Зырянами, большинство же ихъ имѣютъ головы съ индексомъ 80 и 82. Судя о величинѣ головы въ пропорціи съ ростомъ, нужно сказать, что размѣры головъ у Зырянъ не уступаютъ Русскимъ.

Такимъ образомъ антропологическая особенности Зырянъ таковы, что народъ этотъ долженъ быть средне-предпримчивымъ, легко предающимся аффектамъ, увлекающимся, быстро сообразительнымъ, способнымъ болѣе къ музыкѣ, чѣмъ къ изобразительнымъ искусствамъ. Это люди горячаго темперамента, быстро реагирующіе на внѣшнія события, и думается мнѣ, что эти антропологическая (психо-физическая) особенности наиболѣе характеризуютъ расу урало-алтайскую. Вопреки мнѣнію многихъ, что мистицизмъ Зырянъ, ихъ суровость, любовь къ язычеству есть расовое свойство, полагаю, что не этимъ отличается раса. Мистицизмъ, отсутствіе пѣсенъ—это дѣло природы мѣстности и исторіи, т. е. свойства бытovыя, а вотъ темпераментъ—расовое. Не въ умѣ и чувствахъ мы должны искать племенныхъ отличій, а въ физиологии, въ быстротѣ движенія крови. Правда, психическихъ разностей больше между народами, чѣмъ физическихъ, міръ психической разнообразнѣе міра тѣлеснаго, но душевныя особенности болѣе или менѣе можно объяснить колоритомъ мѣстности, исторіей и бытомъ народа, а психо-физиологическая качества труднѣе измѣняются. Мистицизмъ, отсутствіе пѣсенъ легко могутъ измѣниться, исчезнуть, но темпераментъ, большая или меньшая быстрота реагированія на явленія внѣшнаго міра, объемъ тѣла, мускулистость—это болѣе простыя явленія и болѣе упорны въ своемъ постоянствѣ. Зыряне мнѣ кажутся болѣе юными, чѣмъ Малороссы или Русские; первые какъ бы юноши, а Малороссы, Татары возмужалые люди, и является вопросъ, не есть ли раса ступень въ эволюціи человѣка? Разныя племена остановились на разныхъ ступеняхъ биологического развитія, и получились расы, отличающіяся одна отъ другой не столько цвѣтомъ волосъ и глазъ, чертами лица и т. п., а болѣшимъ или меньшимъ объемомъ тѣла, съ сильной или слабой мускулатурой, той или иной формой черепа и, въ связи съ этимъ, горячимъ или холоднымъ темпераментомъ, энергичнымъ или слабымъ реагированіемъ на внѣшнія возбужденія, степенью развитія задерживающихъ центровъ нервной системы. Болѣе же сложныя психическая особенности можно отнести къ разряду бытовыхъ и историческихъ явлений.

Указанныя антропологическая особенности Зырянъ имѣютъ ту же тенденцію, что и природа мѣстности и охота: они способствуютъ развитію космополитизма, это съ одной стороны, а съ другой—способствуютъ уничтоженію характерныхъ признаковъ племени. Въ заключеніе главы нужно сказать, что четвертый факторъ, описанный здѣсь, ослабляетъ, по нашему мнѣнію, дѣятельство

третьяго, т. е. вліянія на Зырянъ ихъ древней культуры. Тѣлесныя свойства Зырянъ таковы, что они дѣлаютъ ихъ народомъ подвижнымъ, хвастливымъ, самоувереннымъ и, следовательно, въ нѣкоторой степени общительнымъ, стремящимся на арену общественной дѣятельности, чтобы все видѣли его дарованія и умѣлое примѣненіе ихъ, тогда какъ древняя культура ихъ развивала въ своихъ сынахъ замкнутость, недовѣріе и неуваженіе къ другимъ, нелюбовь ко всяkimъ общимъ начинаніямъ. Въ силу этого этнографъ можетъ замѣтить нѣкоторую двойственность въ душѣ Зырянина; то онъ очень довѣрчивъ и наивенъ съ вами, считаетъ васъ своимъ другомъ, готовъ помочь вамъ въ вашемъ дѣлѣ, то, при малѣйшемъ поводѣ, становится замкнутымъ, угрюмымъ и молчаливымъ. Землемѣры, которымъ приходилось имѣть много дѣла съ крестьянами, рассказывали мнѣ, что Зыряне большихъ селъ и глухихъ мѣстностей—два разныхъ народа. Первые хитры, недовѣрчивы, скучны и т. п. Вторые жители глухихъ мѣстъ—просты, наивны, гостепріимны, доброжелательны. Такъ одна крайность переходитъ въ другую у людей, въ душѣ которыхъ двойственность развита природой и жизнью.

Для полноты этнологического пониманія племени намъ необходимо еще разсмотрѣть культурное и промышленное вліяніе сосѣдей.

ГЛАВА V.

Культурное вліяніе сосѣдей—пятый факторъ психической жизни народа.

а) Вліяніе материальной культуры—въ земледѣлии, охотѣ, ремеслахъ. б) Сходство обычавъ и нравовъ Зырянъ съ обычаями и нравами XVI и XVII вв. Московской Руси. с) Отношеніе къ Русскимъ, къ правительству; Балинъ и Кузь-Исаакъ. д) Взглядъ народа на Сибирь и ея притягательная сила.

Путешествуя по Вычегдѣ и ея притокамъ, вы видите села на высокихъ холмахъ съ бѣлыми церквами. Въ селахъ двухъ-этажные дома, съ свѣтлыми горницами, нерѣдко обшиты тесомъ и окрашенные въ разныя краски. Крыши на нихъ, чаще сельскія, двухгранныя, но нерѣдко и городского стиля, возвышаются четырехгранный пирамидой. Подъ вліяніемъ Русскихъ Зыряне забыли свои курные избы съ „кумомъ“ и „картои“ и завели дома съ бѣлыми печами, съ свѣтилицами, съ чердаками. Зырянскій „гор“ преобразился въ русскую печь (пач) сначала безъ трубы (курная изба), а потомъ съ трубой. Русское слово печь видоизмѣнилось въ пач, слово горница—въ горничка, русское крыльцо—въ кильче (плавный звукъ съ согласнымъ невозможны въ зырянскомъ язылѣ: кры переходитъ въ ки). Вмѣстѣ съ новыми предметами

появились совершенно новые слова: взводъ, амбаръ, житникъ (житница), потолокъ, чердакъ, стѣна и т. д. Замки, шарниры, выюшки—все заимствовано отъ русскихъ, какъ показываютъ слова: замокъ, юшка, кольча (кольцо), запоръ; вообще всѣ предметы домашней утвари, какъ показываетъ филология, взяты отъ Русскихъ. Слова: наберушка, чугунъ, чашка, ухватъ, коколюка (чтобы избѣжать кл, Зыряне вставили между к и л, о)—всѣ русскія или видоизмѣненныя русскія слова. Обратно, т. е. отъ Зырянъ Русскими заимствовано, насколько мнѣ известно, мало словъ, следовательно, мало и предметовъ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ употребляются между русскими зырянскія слова: туясь (туяас), лыжа (лызя), пима (пима), малица (малича) и др.

Земледѣліе расширилось у Зырянъ послѣ знакомства съ Русскими. Кромѣ ячменя стали культивировать рожь, пшеницу (ржаной хлѣбъ—рудзег иянь; слово рудзег напоминаетъ roggen тоже рожь). Появились новые приборы: коса—горбушъ, („литовки“ Зыряне до сихъ поръ не знаютъ), телѣга для своза хлѣбовъ съ полей на гумна, а дляѣзды — одноколки, тарантасы, для зимнейѣзды — повозки, розвальни („рѣзваль“). Жизнь расширилась въ разныхъ направленіяхъ. — Кромѣ лѣсныхъ дорогъ (туй) появились береговые тракты (мір-туй). Измѣнились костюмы у Зырянъ. Женщины стали носить шушуны, сарафаны, а въ послѣднее время платья и кофты, мужчины узнали рочь — кафтаны, шляпы, шапки сапоги и т. д. Все отъ рочь (русскихъ) шло. Измѣнилась даже охота — стариннѣйшее занятіе Зырянъ. Вместо петель, силковъ, ловушекъ штицъ (чес) появились капканы, вместо луковъ, самострѣловъ—настоящія ружья. Усовершенствовались лѣсныя охотниччи избушки, превратившись изъ простой бани въ домики безъ оконъ, но съ трубой (а въ послѣднее время и съ окнами). Къ прежнимъ рыболовнымъ снарядамъ прибавился ветель. Появились ремесла—сапожное, плотничье, столярное и къ слову сказать, между Зырянами встрѣчаются очень искусные столяры и рѣщики. Развилось кузнечное дѣло. Хотя Финны славились, какъ кузнецы, но относительно зырянъ сомнительно, чтобы у нихъ были кузницы, потому что слово кузница, мѣлѣтъ, наковальня, горнъ, мѣхъ—все русскія слова. Этотъ дикій народъ не зналъ вѣроятно кузнечнаго дѣла и научился ему отъ Русскихъ; хотя слово ковать „дорны“ зарянское, но однако этого слова слишкомъ недостаточно для предположенія, что у нихъ было правильное кузнечное дѣло. Есть основанія думать, что они умѣли лить, отливать металлическія вещи: по крайней мѣрѣ есть названіе формы, которая нужна для литья,—слово лу.

Все только что сейчасъ сказанное относительно кузнечнаго дѣла нужно считать однако лишь вѣроятнымъ, ибо одного филологического анализа, конечно, недостаточно для рѣшкія вопроса. Относительно древніхъ музикаль-

ныхъ инструментовъ у Зырянъ почти ничего нельзя сказать, хотя есть слово тулулу (свистулька) и гудохъ (гармоника). Второе слово гудохъ, вѣроятно заимствованное отъ русского слова гуды, самогуды. Тулулу намекаетъ на возможность существованія у Зырянъ чего-то вродѣ свистулекъ, свирѣлей. Тѣ-перечные инструменты: бандура, скрипка, горилонъ (гармоника) заимствованы. Любовь народа къ гармоникѣ чрезвычайно велика: почти въ каждомъ селѣ имѣется мастеръ этого инструмента.

Не только нынѣшняя материальная культура Зырянъ — отраженіе русской, теперешніе обычай и нравы ихъ во многомъ напоминаютъ русскую старину. Читая „Исторію русской культуры“ Милюкова, именно XVII-й в., я почувствовалъ, что читаю о нравахъ и обычаяхъ Зырянъ. Изучите ихъ религіозныя понятія, отношеніе къ угодникамъ божіимъ, ихъ обряды религіозные, гдѣ во всемъ вы видите смышеніе христіанства съ язычествомъ, ихъ праздники, ихъ дѣвичьи хороводы, поющіе русскія пѣсни на старый ладъ, ихъ суевѣрія, святочныя гаданія и т. п., и все это напомнить XVI и XVII вѣка Московской Руси. Есть доля правды, мнѣ кажется, въ томъ, что, путешествуя по окраинамъ Россіи, мы можемъ наглядно изучать всѣ вѣка исторіи, мысленно вычитая племенные и климатическія особенности, характеръ жизни той или другой мѣстности. Нужно думать, что исторія не только во времени, но и въ пространствѣ расположена концентрическими кругами. Не говоря о томъ, что у Зырянъ гаданія въ зимній солноворотъ почти такія же, какъ и у Русскихъ (съ небольшими вариаціями) весенніе праздники напоминаютъ циклъ праздника весеннаго солнцестоянія, что у нихъ сохранились имена языческихъ славянскихъ боговъ, напримѣръ, чуръ. (Чуръ-ти буди— выраженіе, хранящее человѣка отъ порчи), что заговоры Зырянъ часто тѣ же, что и у Русскихъ (хотя все это можно объяснить и безъ заимствованія или при очень маломъ заимствованіи, если допустимъ сходство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ зырянского и русского язычества, все же на фактъ сходства нельзѧ не указать). Я обращаю вниманіе на впечатлѣніе, испытываемое этнографомъ въ зырянской деревнѣ во время какого-нибудь лѣтнаго праздника.— Крестьяне старые и молодые пьютъ пиво, гуляютъ по деревнѣ въ русскихъ кафтанахъ, дѣвушки въ красныхъ сарафанахъ составляютъ хороводы, поютъ русскія пѣсни съ припѣвами—ой люли, ой люли, да и т. д., поютъ такія пѣсни, гдѣ встречается слово „буй-туръ“. Бродя между двухъ-этажными домами съ раскрашенными корнизами, съ высокими крытыми крыльцами, развѣ не почувствуетъ русскій наблюдатель, что онъ въ XVI в. гдѣ-нибудь въ деревнѣ Московской Руси?

За неимѣніемъ мѣста подробно изслѣдоватъ, что именно чисто зырянского въ разныхъ обычаяхъ и обрядахъ, въ гаданіяхъ, въ празднествахъ, что

именно заимствовано отъ русскихъ, а только констатируя фактъ вообще заимствованія отъ русскихъ не только въ области материальной культуры, но и въ сферѣ бытовой, религіозно-бытовой, мы зададимъ себѣ вопросъ, имѣющій для насъ значеніе — какое имѣло вліяніе на психику народа то обстоятельство, что вмѣстѣ съ христіанствомъ съ новгородскими и устюжскими колоніями въ Пермскій край пришли и разные предметы домашней утвари и хозяйства, новые формы одежды, новые обряды и обычаи? Это обстоятельство имѣло два послѣдствія: 1) удивленіе и благоговѣніе Зырянъ предъ всѣмъ русскимъ и подражаніе ему; 2) влеченіе въ южныя мѣстности, въ Русскимъ, въ привольную Сибирь, гдѣ „такъ все хорошо и умно и богато“. На каждомъ шагу чувствуется „это“ удивленіе русскому. Но какъ описать это чувство-удивленіе и дѣйствие его на умъ и характеръ? Самое лучшее — прислушаться къ тому, что говорить народъ. Вотъ крестьянинъ изъ дер. Визябожъ смотрѣть внимательно на фотографический аппаратъ и спрашиваетъ, что это такое? Выслушавъ вань отвѣтъ, онъ восклицаетъ: „и чего, чего не придумаетъ Русскій?“ Дальше онъ бесѣдуетъ съ вами о городахъ на Руси. „Красивы города, красивъ Штерть, какая музыка тамъ! ногъ не чувствуешь подъ собою, слушая ее“. Далѣе онъ вспоминаетъ Петра I, „и былъ же человѣкъ! Господи помилуй!“ Подобныхъ вопросовъ, воскликаній много можно наслышаться, если у изслѣдователя есть желаніе говорить съ Зырянами о русскихъ и „чудесахъ“. Фактъ удивленія и благоговѣнія предъ русскимъ легко констатировать. Еще очевиднѣе, какое дѣйствие производить этотъ аффектъ на умъ и волю. При малѣйшей возможности Зырянинъ старается построить домъ, какъ у Русскихъ, одѣться въ ихъ костюмъ, а умѣніе говорить по русски онъ ставить такъ wysoko, что владѣющаго этимъ искусствомъ называютъ „кыла—мортъ“, т. е. человѣкомъ съ рѣчью, съ языкомъ, для которого все открыто — книги, законы, суды и т. п. О политическихъ событияхъ и войнахъ Русскихъ съ другими народами Зырянинъ разсказываетъ съ восторгомъ. Вотъ мужичекъ изъ Ідженъ-видзъ вспоминаетъ севастопольскую войну. „Да, три миллиона было войска; полтора положили голову; девять миллионовъ семействъ осталось. Каждому семейству по 500 руб. дано. На память крѣпость не починили — сраженіе было очень велико. Если бы вовсе не починили, Французы дорого бы пришлось. Но царь укрѣпилъ: подати увеличились; иначе все стало бы открыто“.

Уважая культуру, народъ относится съ довѣріемъ къ начальству, особенно къ высшему, — „чѣмъ выше, тѣмъ больше правды“. Въ примѣръ тому, какъ полезно подчиняться начальству и какъ гибельно не подчиняться, отцы рассказываютъ своимъ дѣтямъ объ Ижемцахъ и Устькуломцахъ. Для доказательства любви Бѣлага Царя къ Зырянамъ разсказывается исторія Кузь-

Исака. Эти краткие рассказы описывают намъ чувства Зырянина къ правительству и Царю, отъ которого исходить такъ восхищающая ихъ культура.

При Императорѣ Николаѣ I принуждали Ижемцевъ (Зырянъ печенскихъ) строить мостъ черезъ Мезень. Они отказывались. Когда губернаторъ черезъ исправника принуждалъ подписьваться къ бумагѣ, которой они обязывались построить мостъ, ижемцы подписывались, исполняя волю начальства, но затѣмъ подавали прошеніе выше, что мостъ строить они не могутъ. Дѣло дошло до того, что Архангельскій губернаторъ послалъ войско съ пушкой, Ижемцы послали ходока съ самому Царю. Царь, узнавши о происходящемъ, велѣлъ пушку остановить въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее застанутъ, за 100 верстъ отъ Ижемцевъ она была задержана (и тамъ до сихъ поръ остается). Царь послалъ въ Ижму чиновника. Тотъ, прибывши, велѣлъ всѣмъ ижемцамъ сбратиться на слѣдующій день и отправиться на постройку моста. Ижемцы на другой день явились тысячами, на лошадяхъ и пѣшіе съ топорами, съ пилами, готовые ити на работу. Чиновникъ, увидавши такую покорность, сказалъ имъ: идите по домамъ, вамъ не нужно моста строить.

Устькуломцы (вычегодскіе Зыряне) волновались въ туже пору относительно „вотчины“. Они били начальство: исправника, губернатора. Пришло войско, вызвали ихъ на реку, на ледъ и всѣхъ пересѣкли розгами. Такъ было наказано неповиновеніе начальству.

Дѣла Ижемцевъ и Устькуломцевъ велѣ Балинъ, крестьянинъ изъ Шожима. Ижемцы его слушались, а Устькуловцы вѣтъ. Слава Балина очень велика въ народѣ. Про умнаго человѣка говорятъ: „ты какъ Балинъ“.

Ижемецъ Кузь-Исакъ былъ у Императора Александра II, привезъ ему подарки: малицу, пимы, 10 оленей, а отъ Царя получилъ въ подарокъ золотые часы. Кузь-Исакъ останавливался съ юртами на р. Невѣ, но огонь развести ему было запрещено. По повелѣнію Царя, онъ на возвратномъ пути на каждой станціѣ подписывался: „здѣсь проѣхалъ благополучно Кузь-Исакъ“. Такъ дѣлалъ онъ потому, что у него было много враговъ. Былъ онъ въ дружбѣ съ Царемъ и видѣлъ его еще два раза.

Слышая подобные разсказы изъ устъ народа, вы убѣждаетесь, какъ относится Зырянинъ къ Русскому, какія чувства питаетъ онъ къ Бѣлому Царю.

Второе слѣдствіе культурнаго вліянія Русскихъ—это влеченіе Зырянина въ „широкія мѣста, на югъ и на востокъ“. На западъ его мало тянетъ. Онъ стремится „въ привольную, хлѣбородную, съ хорошими лугами Сибирь“. Подъ Сибирью Зырянинъ разумѣеть Вятск. губ., Пермскую, Тобольскую. Молодыя девушки сестрами отправляются въ Вятку, чтобы нажить приданое, поучиться русскому языку, усвоить лучшій образъ жизни и, затѣмъ вернувшись на родину съ удовлетворенною любознательностью, разумно выйти за-

мужъ. Молодые люди отправляются въ Пермь, Кунгуръ и далъе, чтобы найти новые пути жизни, посмотреть „обширныя мѣста“. Не только грамотные и ловкие, но и неграмотные и немудрые бѣгутъ въ южные и восточные края, отъ Вятки до гор. Таръ, стараясь заняться на этомъ пространствѣ какими-либо промыслами или арендованіемъ земли. Вернувшись, нѣкоторыя изъ нихъ приносятъ новыя знанія въ ремеслахъ, новыя пѣсни, мудрость жизни въ новыхъ сказкахъ. Эти люди и солдаты—культуртрегеры зырянъ. Черезъ нихъ идетъ все русское, начиная съ ремесль и одежды и кончая сказками.

Оба эти слѣдствія вліянія русской культуры: удивленіе и подражаніе ей и влеченіе на югъ и востокъ имѣютъ тенденцію уничтожить расовыя, климатическая и историческая особенности въ жизни Зырянъ. Вопреки мнѣнію Клавдія Попова, утверждавшаго, что Зыряне очень любятъ свою родину и домашній очагъ, они съ большою легкостью оставляютъ „родной уголъ“ и довольно быстро забываютъ старину; въ этомъ отношеніи Вотяки и Черемисы несравненно упорнѣе въ своемъ языческомъ міровоззрѣніи и старыхъ обычаяхъ, чѣмъ впечатлительные и подвижные Зыряне.

Такъ пятый факторъ психической жизни въ союзѣ со вторымъ и четвертымъ (охота и соматическая особенности) старается вивеллировать жизнь зырянской окраины въ противовѣсь первому и третьему факторамъ душевнаго развитія народа.

ГЛАВА VI.

Шестой факторъ, измѣняющій психический складъ народа—промышленность.

а) Старое и новое поколѣніе, б) Заводская промышленность въ Пермск. губ. и ея вліяніе.
с) Лѣсной промыселъ по отношенію къ земледѣлію и охотѣ.

Большая разница между дѣдами и внуками у Зырянъ. Дѣды были звѣроловы, колдуны, мистики, пѣвцы. Внуки—рабочіе у лѣсопромышленниковъ, дровосѣки пермскихъ заводовъ, въ ихъ душѣ мало мистицизма и совсѣмъ нѣтъ поэзіи. Вино и гармоника ихъ услада. Матеріальное благосостояніе—вотъ ихъ идолъ. Въ ихъ устахъ уже нѣтъ осмысленной старины, иная духовная пища насыщаетъ ихъ сердце, разсказы и пѣсни заводскаго люда, солдатскіе анекдоты. Невольная грусть охватываетъ васъ, когда смотрите на молодыхъ людей, этихъ „внуковъ“. Они одѣты въ пиджаки, брюки, калоши, ихъ рѣчи не斯特рѣтъ русскими словами. „Красоты“ заводской жизни—табакъ, вино, дешевое щегольство несъмь имъ мили и понятія. Они франты,

они умны, они горды. Каждый изъ нихъ думаетъ завести себѣ двухъ-этажный домъ и, если возможно, торговлю. Но вамъ становится грустно, и невольно вы спрашиваете: для чего эти молодые люди тутъ, въ сѣверныхъ лѣсахъ, вдали отъ всего того, что имъ мило, отъ центровъ культуры и промышленности. Что общаго между суровымъ климатомъ, дремучими лѣсами и этими молодыми щеголями? Въ старину Зыряне были звѣроловами. Охота и ея поэзія, мистицизмъ—вотъ что связывало ихъ съ угрюмыми лѣсами, съ снѣжными сугробами, съ таинственными завываніями вѣтра. Ихъ одежда, ихъ типъ, ихъ сосновыя избушки, все соотвѣтствовало румяному солнцу въ суровые зимніе дни, очарованнымъ морозомъ лѣсамъ, полнымъ дикихъ звѣрей... А нынѣшнія поколѣнія? для чего живутъ они на сѣверѣ? что въ нихъ сѣвернаго? Гармонія нарушена между человѣкомъ и природою, и не стало смысла его существованія. Отчего все это такъ? или люди, какъ и лѣса ихъ окружающіе, выродились, измѣльчали? Есть причины, на которыхъ можно указать, въ силу которыхъ лѣса и люди измѣнились. Волны, идущія отъ центра къ окраинамъ, волны промышленности измѣнили жизнь на сѣверѣ.

Въ прежнія времена тоже была нѣкоторая промышленность на сѣверѣ, но она была другого рода. Зыряне отправлялись зимою въ Пермск. губ. и по рѣкамъ Чусовой и Камѣ, весною сплавляли желѣзо съ Уральскихъ горъ въ приволжскія мѣстности, а сами возвращались на родину пѣшкомъ черезъ Вятск. губ. Другіе раннею весной поднимались вверхъ по Сысолѣ и Лузѣ, нагружали тамъ барки вятскімъ хлѣбомъ и сплавляли внизъ по р.р. Сысолѣ, Лузѣ, Вычегдѣ, Двинѣ въ Архангельскій портъ. Эти больнія барки не мало тогда удивляли народъ. Цѣлые толпы стояли на берегу около деревень и съ любопытствомъ глядѣли на „бѣлые большія лодки“. Изъ Архангельска Зыряне пѣшкомъ съ большими катомками на плечахъ возвращались домой. И въ жизни народа никакихъ перемѣнъ не было. Земледѣліе, рыболовство, охота все же были главными занятіями. Старинные обычай, обряды, пѣсни, сказки—все незыблѣмо хранилось, какъ нѣчто священное. Теперь же только по р. Пожогъ главнымъ образомъ занимаются охотой, въ селѣ Эжомъ исключительно земледѣліемъ и рыболовствомъ, а остальные мѣстности заняты сплавомъ лѣса и рубкой дровъ на заводахъ Пермской губ. (Богословскій, Кутимскій и др.). Прикащики лѣсопромышленниковъ Архангельской губ. лѣтомъ нанимаютъ народъ на рубку и сплавъ строеваго лѣса. Сотнями и тысячами осеню, при первыхъ морозахъ, идутъ Зыряне въ дремучіе боры, указанные имъ „лѣснымъ начальствомъ“, продавшимъ лѣсъ промышленникамъ, и здѣсь всю зиму рубятъ и возятъ къ берегамъ рѣкъ огромныя сосны—красу страны. Трудъ въ высшей степени тяжелый. Работа происходитъ по грудь въ снѣжныхъ сугробахъ; ночи проводятся въ еловыхъ шалашахъ у огня, гдѣ сушатся

и грѣются. Такимъ образомъ вся зима проходитъ въ дома, въ труда, отнимающемся здоровье у человѣка. Другая часть Зырянъ, послѣ полевыхъ работъ и осенней охоты, въ лодкахъ отправляется вверхъ по Вычегдѣ, по Екатерининскому каналу, мимо Чердыни, по Камѣ на пермскіе заводы. Здѣсь тоже въ дремучемъ лѣсу они рубятъ дрова и пилить ихъ для заводовъ. Жизнь опять проходитъ въ лѣсу, въ сосновыхъ шалашахъ (безъ передней и задней стѣны), гдѣ постоянно горить огонь на очагѣ, или топится печь. Возвратившись отсюда весной, на лѣто начинаются сплавлять лѣсъ по рѣкамъ Выми, Вишѣ и т. д. къ Ускорью. Въ заводскихъ работахъ участвуютъ и дѣвушки. Хорошій работникъ наживаетъ около 100 руб. отъ рѣбки лѣса, да отъ заводскихъ дровъ 100—150 руб. Конечно, деньги это хорошія, и увлекающійся народъ сталъ не такъ усерденъ къ земледѣлію, забываетъ охоту, отвыкаетъ отъ домашняго очага, разучивается говорить по зырянски, грубѣетъ въ нравахъ отъ знакомства съ заводской жизнью. Развилась любовь къ алкоголю, не стало прежней вѣрности дому и семье, съ молодыхъ лѣтъ сталъ народъ страдать головными болями, грудными болѣзнями. Многіе потеряли любовь къ родинѣ, уваженіе къ старымъ обычаямъ, стали презирать медленные пути обогащенія, каковъ, напр., трудъ земледѣльца; въ душѣ подрастающаго поколѣнія, воспитанного русскимъ заводскимъ людомъ, не стало прежнаго идеализма, развившагося въ дремучихъ лѣсахъ подъ вліяніемъ языческой міѳологіи и началъ христіанства. Народъ сталъ матеріалистъ. Богатство и сила—вотъ его боги. Дома, окрашенные въ разныя цвета, красивыя сани, телѣга съ коробомъ, блестящая сбруя—вотъ что на умѣ у молодого крестьянина; онъ суровъ и беспощаденъ по отношенію къ отцу, онъ завистливъ по отношенію къ сосѣдямъ, онъ не покоенъ, религія мало его утѣшаетъ.

Что будетъ далѣе съ Зырянами, когда у нихъ порѣдѣютъ лѣса, упадетъ охота, обмелѣютъ рѣки, рыбы, напуганныя пароходомъ, уйдутъ въ море, заводы и фабрики замедлятъ появиться въ этихъ краяхъ, что будетъ съ ними, живущими вдали отъ правосудія и центровъ умственной жизни? Что тогда свяжетъ ихъ съ сѣверомъ? Зачѣмъ жить человѣку на Вычегдѣ, гдѣ нѣтъ волшебныхъ лѣсовъ, вдали отъ цивилизациіи, школъ и дорогъ,—отчего не жить ему въ южной части Сибири, гдѣ теплѣе и лучше?

Заключеніе.

Такъ пытались мы въ краткихъ чертахъ показать аналитически, какъ шесть факторовъ вліяли въ отдельности на психическій складъ народа, создавая въ немъ разныя особенности религіозныя и бытовыя. Маленький народъ, брошенный рукою судьбы въ дремучія дебри сѣвера, въ страну, гдѣ лучи солнца падаютъ подъ угломъ 30° , долженъ былъ вдали отъ цивили-

заци вести подвижную жизнь охотника. Живя въ краю, гдѣ мало солнечнаго свѣта, а также, можетъ быть, по какимъ-нибудь неизвѣстнымъ причинамъ, которые создаютъ расовыя отличія, Зыряне, надо допустить, съ самого начала исторіи были народомъ впечатлительнымъ, экспансивнымъ, со слабыми задерживающими центрами нервной системы и воли. Охотничья же жизнь еще увеличивала ихъ природную подвижность. Но жизнь охотника и земледѣльца, который сѣть только ячмень, какъ это было у Зырянъ въ старыя времена, и воздѣлываетъ свои поля скороспѣшно, въ краткое трехмѣсячное лѣто, такая жизнь, способствуя подвижности и предпріимчивости едва ли могла развивать стойкость и послѣдовательность. Напротивъ, здѣсь получается такая картина, что человѣкъ нѣкоторое время работалъ быстро и скоро, а затѣмъ продолжительно отдыхалъ или брался за другое дѣло. Предпріимчивости послѣдовательной ничто не развило въ Зырянахъ. Добавить къ этому, что древняя культура Зырянъ поддерживала въ нихъ разобщенность, развивала неспособность къ общимъ начинаніямъ, и мы поймемъ, почему Зыряне кажутся энергичными, а въ сущности малаго достигаютъ.

Малорезультатность частныхъ и общихъ начинаній отчасти также обязана и тому, что у Зырянъ нѣтъ своей интеллигенціи, благодаря однообразію и однолинейности жизни, какъ это видѣли мы въ I главѣ.

Вотъ на такой то ровно-умный народъ, впечатлительный, увлекающійся, предпріимчивый, но не послѣдовательный, скоро начинающій и скоро кончающій, нахлынула русская культура, принесшая съ собою множество предметовъ, неизвѣстныхъ до того времени Зырянамъ. Въ средѣ впечатлительныхъ увлекающихся людей при слабомъ развитіи центровъ самообладанія, эти новыя вещи стали предметомъ тицеславія или зависти. Людей, не склонныхъ къ сложной общественной жизни, не довѣряющихъ другъ другу, русская администрація соединила въ волости, въ сельскія общества, но, конечно, внутренней соціальной жизни дать не могла. И въ сельскихъ обществахъ Зыряне живутъ изолированно, мало другъ другу помогая, не имѣя въ виду никакихъ общихъ улучшеній.

Но русская культура сдѣлала свое дѣло, она произвела глубокое впечатлѣніе, она увлекла сотни и тысячи зырянъ въ Вятскую губ. и въ Сибирь. Любовь къ родинѣ, къ домашнему очагу не была настолько сильна, чтобы удержать ихъ на своей территории. Въ Вятской губ., въ Сибири въ какомъ положеніи будутъ люди, менѣе способные къ общественной жизни, чѣмъ ихъ конкуренты (русскіе), люди съ мистическими понятіями о природѣ и человѣкѣ, съ малымъ знаніемъ ремеслъ, которыхъ вдобавокъ стала мучить тоска по родинѣ (любовь къ ней все же есть, велика ли, мала ли), по роднымъ лѣсамъ, по охотѣ въ вольныхъ чащахъ; и вотъ многіе, съ раздвоенной душой, возвращаются обратно на родину, иные предаются алкоголю.

Что дѣлается на родинѣ? — Сюда вторглась промышленность, обѣщающая большія и скорыя деньги. Пермскіе заводы съ рубкой лѣса, непремѣнно съ рубкой дровъ, потому что ни на что другое неспособны некультурные Зыряне, не имѣющіе никакого техническаго образованія и никакой интеллигентной помощи, — такъ эти заводы, прикащики архангельскихъ лѣсопромышленниковъ увлекли толпы людей, оторвавъ ихъ отъ сохи и охотничьяго ружья. Зыряне, конечно, не стали богаче отъ сплава лѣса, но отвыкли отъ домашнаго очага, многіе потеряли здоровье, многіе пріучились къ пьянству.

Увлекающійся народъ, не имѣющій знанія жизни, посль неудачныхъ попытокъ вѣръ родины, требуетъ что-нибудь создать столь же поспѣшно дома, на родинѣ, между своими. Заводится торговля, строится заводъ; но и здѣсь поспѣшная предпріимчивость и отсутствіе послѣдовательности, и здѣсь отсутствіе взаимопомощи, хвастливость, зависть, недовѣріе, неразумная подражательность: торговля прекращается по безденежью, заводъ закрывается за неимѣніемъ кредита. Ни одинъ купецъ изъ Зырянъ не имѣеть купцомъ же дѣда, — быстро поднимаются и быстро опускаются. Обыкновенно сынъ, въ своихъ увлеченіяхъ, въ жаждѣ неизвѣданныхъ благъ культуры, растратчиваетъ деньги отца и впадаетъ въ прежнее состояніе или же топить свои неудачи въ винѣ, не имѣя возможности за что нибудь приняться въ однообразной средѣ своихъ соплеменниковъ. Преданныхъ алкоголю чрезвычайно много между Зырянами, благодаря впечатлительности ихъ, отсутствію послѣдовательности и однолинейности жизни. Сложились даже поговорки: „непьющій — золото, даже дороже золота“, „непьющій не имѣеть цѣны“ и т. п.

Въ такомъ видѣ представляется мнѣ совмѣстное дѣйствіе вышеобозначенныхъ факторовъ на психику Зырянъ. Но разныя стихіи, или факторы, какъ мы ихъ называемъ, не могутъ быть постоянно въ борьбѣ между собою. Религіозная двойственность постепенно исчезаетъ въ народѣ подъ вліяніемъ церкви и чтенія книгъ Св. Писанія. Съ увеличеніемъ числа школъ распространяется грамотность, и становятся доступными книги, проясняющія сложное, запутанное міровоззрѣніе безграмотнаго человѣка, унаследовавшаго отъ предковъ традиціи, противорѣчащія принципамъ современной жизни. Неудачные предпріятія на родинѣ и вѣръ въ нихъ ея научаютъ народъ осторожности и даютъ свѣдѣнія о положеніи вещей. Такъ постепенно дѣйствія разныхъ факторовъ, вліявшихъ на развитіе Зырянъ, приходятъ въ гармонію. Нужно признать, что происходитъ это очень медленно; отсюда неизбѣжнымъ является заключеніе, какъ терпѣливо и снисходительно нужно относиться къ проявленіямъ старыхъ традицій и понятій, хотя бы и языческихъ у инородцевъ. Инородцы — народъ „безъ головы“, а двоевѣріе лишь медленно можетъ быть видоизмѣнено въ истинно-христіянское вѣроученіе.